MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80016-27

AUTHOR:

POLIEVKTOV, MIKHAIL

TITLE:

IZ PEREPISKI BARONA A.I. OSTERMANA.

PLACE:

MOSKOW

DATE:

1913

Master Negative #

91-80016-27

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

Poliëvktov, Mikhail Aleksandrovich, ~~1872-1942~~.
...Iz perepiski barona A. I. Ostermana. (Pis'ma k kn. B. I. Kurakinu i gr. A. P. Golovninu 1727-1729). [From a correspondence of baron A. I. Osterman...] Izdanie imp. obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitetie, Moskva, 1913.
32 p. 28 cm.

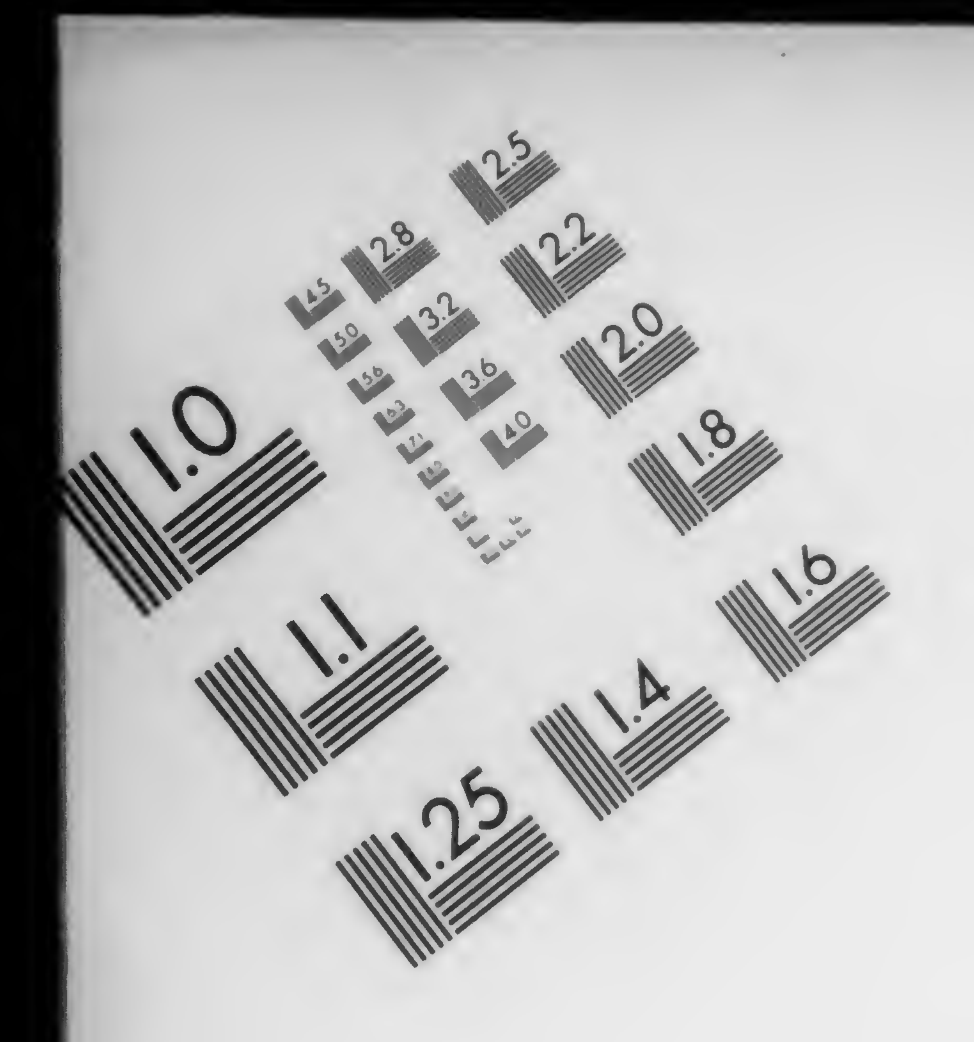
At head of title: M. Poliëvktov.

VOLUME OF PAMPHLETS

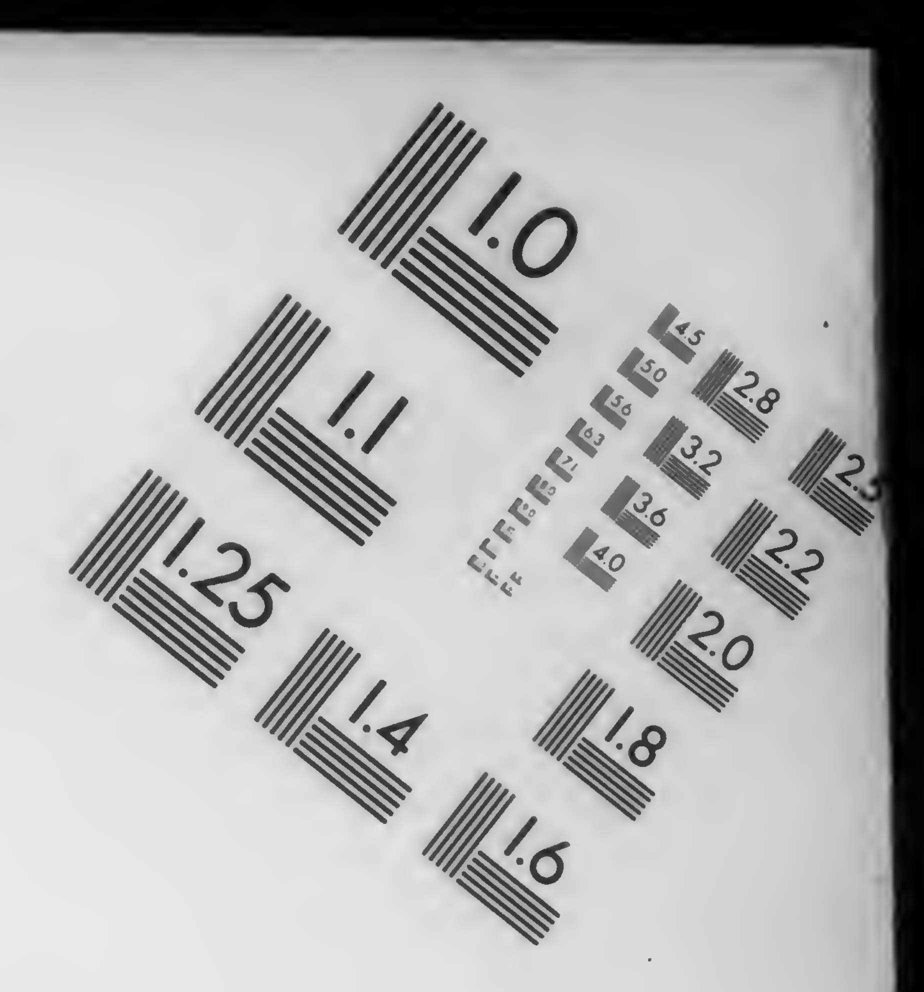
Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/26/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
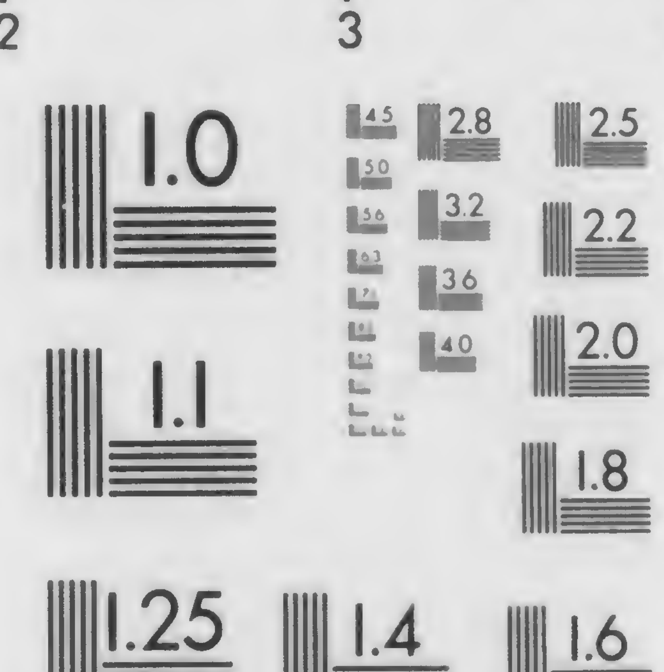
301/587-8202

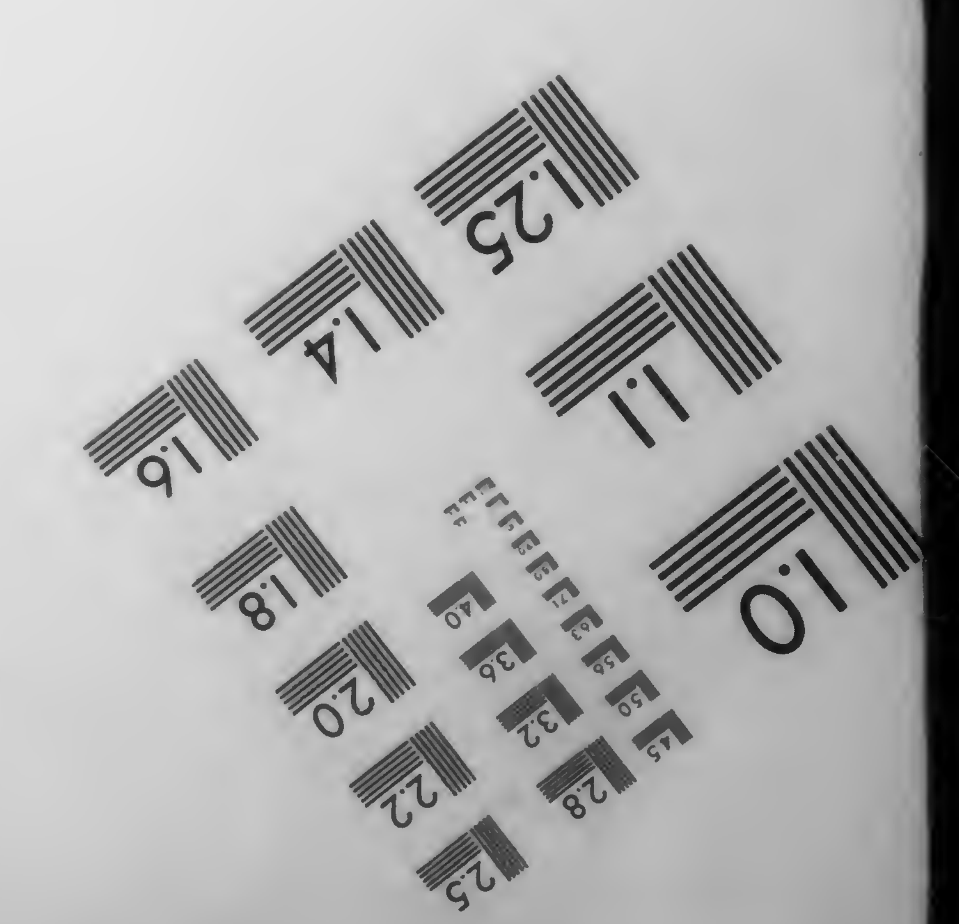
Centimeter

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 mm

1 2 3 4 5

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

9

М. Поліевктовъ.

Изъ переписки барона А. И. Остермана.

(письма къ кн. Б. И. Куракину и гр. А. П. Головкину 1727—1729)

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества и Исторіи Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА,
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.
1913.

М. Поліевктовъ

Изъ переписки барона А. И. Остермана.

(письма къ кн. Б. И. Куракину и гр. А. П. Головкину 1727—1729)

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ
1913

Настоящія письма бар. Андр. Ив. Остермана печатаются съ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ихъ «отпусковъ», т.-е., черновиковъ, приготовленныхъ къ шифровкѣ и перепискѣ (Дѣла французскія, 1727 г., № 6, 1728, № 10 и 1729, № 5). Своимъ содержаніемъ они имѣютъ, главнымъ образомъ, дѣла Суассонскаго конгресса. Оба корреспондента бар. Остермана, кн. Бор. Ив. Куракинъ, русскій посолъ въ Парижѣ, и гр. Алдр. Гавр. Головкинъ, русскій посолъ въ Берлинѣ, были назначены въ серединѣ 1727 г. представителями Россіи на названный конгрессъ, мѣсто собранія котораго предполагался первоначально Камбрэ. Кн. Куракинъ умеръ 18 сент. 1727 г.; охранять интересы Россіи на конгрессѣ пришлось одному гр. Головкину.

Названный конгрессъ собирался съ цѣлью распутать то трудное международное положеніе, которое создалось къ этому времени въ Европѣ и которое проистекало въ значительной степени изъ результатовъ войны за испанское наслѣдство. Испанія стремилась вернуть себѣ то положеніе, которое было ею утрачено по Утрехтскому миру. Душою этихъ происковъ была супруга испанскаго короля Филиппа V, королева Елизавета и испанскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, баронъ Рипердa. Возвращеніе утраченныхъ испанскихъ владѣній, и прежде всего Гибралтара, подготовка въ будущемъ соединенія Испаніи съ Франціей, торговая война съ Англіей, низверженіе въ Англіи ганноверской династіи и реставрація дома Стюартовъ, таково было содержаніе этихъ происковъ. Испанская политика приняла рѣзкую антианглійскую окраску, и въ этомъ отношеніи ей навстрѣчу шла политика австрійскихъ Габсбурговъ, германскаго императора Карла VI. Главный пунктъ этой политики—добиться международнаго признанія Прагматической санкціи—встрѣчалъ несочувствіе со стороны ближайшихъ сосѣдей габсбургскихъ наслѣдственныхъ владѣній, между прочимъ, со стороны Франціи и Пруссіи. Торговая политика Габсбурговъ, выразившаяся въ учрежденіи въ 1722 г. въ Остенде новой торговой кампаніи, задѣвала непосредственные интересы Англіи и Голландіи. Рядъ быстро смѣняющихся союзныхъ комбинацій привелъ къ серединѣ 1725 г. къ двумъ союзнымъ договорамъ: Вѣнскому (30 апрѣля н. ст.)—между императоромъ и Испаніей, и Ганноверскому (3 сентября н. ст.)—между Англіей, Франціей и Пруссіей, къ которому нѣсколько позд-

нѣе присоединились Голландія (9 августа н. ст. 1726 г.) и Данія (16 апрѣля н. ст. 1727 г.). Оба эти договора вскорѣ послѣ изъ заключенія осложнились присоединеніемъ къ нимъ двухъ сѣверныхъ державъ— Россіи, примкнувшей къ вѣнскому договору (русско-австрійскій союзный договоръ 6 августа 1726 г.) и Швеціи, приступившей 26 марта 1727 г. къ ганноверскому. Искать союза съ Австріей заставила Россію прежде всего ея восточная политика въ Турціи и Персіи. Къ этому же побуждали, однако, и тѣ цѣли, которыя преслѣдовало въ данный моментъ русское правительство въ своей «сѣверной» политикѣ, на Балтійскомъ морѣ. Эти цѣли сводились къ защитѣ претензій герцога голштинскаго на отнятый у него въ 1712 г. Даніей Шлезвигъ и къ заступничеству за герцога мекленбургскаго, доведшаго своимъ столкновеніемъ съ мѣстнымъ дворянствомъ и своимъ вызывающимъ поведеніемъ по отношенію къ императору до назначенія въ Мекленбургъ имперской администраціи. Оба эти пункта придавали русской политикѣ точно также опредѣленный анти-англійскій характеръ: Англія, вмѣстѣ съ Франціей, гарантировала Шлезвигъ Даніи; изъ-за мекленбургскаго вопроса порвались еще при Петрѣ добрыя отношенія между Россіей и Англіей. Неумѣренныя притязанія голштинскихъ дипломатовъ, къ тому же, привели и къ охлажденію отношеній между Россіей и Швеціей, незадолго до этого заключившихъ между собою союзный договоръ (22 февраля н. ст. 1724 г.). Исходя изъ включеннаго въ этотъ послѣдній договоръ обѣщанія поддерживать притязанія герцога на Шлезвигъ и состоявшагося передъ этимъ признанія со стороны Швеціи за герцогомъ королевскаго титула, голштинскіе дипломаты, съ гр. Бассевицемъ во главѣ, опираясь на своихъ единомышленниковъ въ Швеціи, развиваютъ тамъ сложную интригу, имѣвшую своею цѣлью прямо уже династическій переворотъ и доставленіе герцогу шведскаго престола. Раскрытіей этой интриги повлекло за собою паденіе въ 1727 г. голштинской партіи въ шведскомъ сенатѣ и въ значительной степени сдѣлано возможнымъ присоединеніе Швеціи къ ганноверскому союзу. Такъ сложными путями политика сѣверныхъ державъ переплеталась съ общеевропейскими вопросами и еще болѣе лишь запутывала и безъ того крайне натянутое положеніе. Къ 1727 г. вся Европа подѣлилась какъ бы на два враждующихъ лагеря: въ воздухѣ началъ носиться призракъ новой общеевропейской войны. «Папежскіе нунціусы» уже въ концѣ 1726 г. обртились къ обѣимъ сторонамъ съ предложеніемъ «убѣжать войны въ христіанствѣ». Это предложеніе было встрѣчено сочувственно. Европейскія державы начали готовиться къ конгрессу, который и былъ открытъ въ Суассонѣ 14 іюля 1728 г. [1]).

---

[1]) Текстъ вѣнскаго и ганноверскаго договоровъ—у Dumont, Corps diplomatique universelle (La Haye, 1730) vol. VIII. Текстъ русско-шведскаго договора 1724 г.—П. С. З. № 4465 (безъ секретныхъ пунктовъ и не совсѣмъ исправный; содержаніе этого договора, болѣе полное и правильное — у Соловьева, Исторія Россіи (нов. изд.), кн. IV, стр. 37—38. Международныя положенія дипломатическія отношенія за данное время — у Erdmamansdörfer'a, Deutsche Geschichte v. 1648—1740 (Berl. 1892—93) B. II и Соловьева, Исторія Россіи (кн. IV), т. XIX, гл. 1 и 2, а также въ предисловіи свящ. Кустодіева къ изданнымъ имъ донесеніямъ „дюка Лирійскаго" („Осмнадцатый вѣкъ" изд. П. Бартенева, т. II). Спеціальнаго изслѣдованія о суассонскомъ конгрессѣ, какъ кажется, не существуетъ. Настоящее введеніе основывается частью на только что указанныхъ трудахъ, частью на отдѣльныхъ архивныхъ извѣстіяхъ, главнымъ образомъ, изъ документовъ того же Москов. Архива М. Ин. Д., частью же на нашихъ собственныхъ болѣе раннихъ работахъ: „Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ Ништадскаго мира" (С.-Пб. 1907), біографія А. И. Остермана въ Біографич. Словарѣ Имп. Русск. Ист. Общ.; „Герцогъ де Лиріа и его проектъ учрежденія испанскаго консульства въ Россіи" (въ сборн. „С. Ѳ. Платонову" С.-Пб. 1907). О предложеніи римскаго папы разрѣшить споры мирнымъ путемъ сообщаютъ кн. Б. Куракинъ въ своихъ реляціяхъ отъ 2 и 20 дек. 1726 г., 7 янв. 1727 г. (Дѣла французскія 1726 и 1727 гг., № 46.) и Ланчинскій въ письмѣ къ Ягужинскому отъ 1 апр. 1727 г. (Дѣла австр. 1727 г. № 12).

Главными вопросами, подлежащими разрѣшенію на конгрессѣ, были вопросъ о торговой кампаніи въ Остенде и учиненіе всеобщей взаимной гарантіи владѣній всѣхъ участниковъ конгресса. На немъ предполагалось, однако, затронуть въ довольно широкой степени и вопросъ о «покоѣ въ Сѣверѣ». Уже въ тѣхъ условіяхъ, которыя были предложены весною 1727 г. Франціей и Голландіей германскому императору, наряду съ пунктами о временной пріостановкѣ Остендской кампаніи и о соблюденіи трактатовъ Утрехтскаго, Баденскаго и Лондонскаго 1718 г. («Четверной союзъ»), былъ пунктъ о невоспріятіи ничего, что могло бы нарушить покой въ Сѣверѣ и въ Нижней Германіи. Это одно уже заставляло и Россію интересоваться конгрессомъ, не говоря о расчетахъ включить въ общеевропейскую гарантію и русскія послѣднія завоеванія. Русское правительство приняло предложеніе своего союзника, германскаго императора, участвовать въ конгрессѣ: кн. Б. И. Куракинъ и гр. Ал. Гавр. Головкинъ были назначены уполномоченными со стороны Россіи [1]). Куракинъ, при своемъ назначеніи получилъ предписаніе добиваться, чтобы Россія была допущена, какъ самостоятельная заинтересованная сторона, ко всѣмъ конференціямъ конгресса и ко всѣмъ его постановленіямъ; чтобы былъ оконченъ вопросъ о претензіяхъ герцога голштинскаго, и чтобы Россія была включена въ будущую генеральную гарантію. Одновременно съ этимъ въ Петербургѣ на конференціяхъ съ австрійскимъ посломъ гр. Рабутинымъ было выражено желаніе, чтобы на конгрессѣ получило окончательное разрѣшеніе и мекленбургское дѣло [2]). Со-

---

[1]) Представители на конгрессѣ: Австрія—гр. Синцендорфъ и бар. Пендеридеръ; Франція—кард. Флери и марк. де-Фенелонъ; Англія—Стэнгопъ и Горасъ Вальполь; Голландія—Корнеліюсъ Гопъ; Испанія—марк. де Бурнонвиль и донъ Альваро де Навіа Озоріо; Россія—гр. А. Г. Головкинъ; Данія—Сегестедъ; Швеція—Гедда и Спарре (A. M. Ouroussow, Resumé historique de principaux traités de paix (Evreux 1884) p. 57).

[2]) Рескриптъ Куракину 15 іюля 1727 г.—Дѣла франц. 1727 г., № 46. Протоколъ конференціи 13 апр. 1727 г. (Остерманъ, Рабутинъ, Бассевицъ) и относящіеся сюда документы.—Дѣла австр. 1727 г., № 10.

держаніе инструкціи А. Головкину (отъ 14 мая 1728 г.) приводится Соловьевымъ [1]). Въ изложеніи Соловьева нѣкоторыя довольно существенныя части этой инструкціи, однако, опущены, а потому не мѣшаетъ изложить ея содержаніе нѣсколько подробнѣе и систематичнѣе.

Означенной инструкціей точно опредѣлялся, прежде всего, характеръ участія Россіи въ конгрессѣ. Приглашенная германскимъ императоромъ, она должна была выступать въ такой же роли союзницы Австріи, въ какой выступала Швеція, какъ союзница участниковъ ганноверскаго соглашенія. Ея политика на конгресѣ должна была итти рука объ руку съ политикой Австріи и, прежде всего, по двумъ основнымъ вопросамъ: о гарантіи и о голштинскихъ претензіяхъ. Головкинъ долженъ былъ добиваться включенія въ генеральную гарантію русскихъ владѣній. Заранѣе соглашались, однако, на включеніе въ такую гарантію лишь нашихъ владѣній въ Европѣ, безъ распространенія ее на турецкую или персидскую границу: «Его Императорское Величество и тѣмъ доволенъ будетъ». Въ случаѣ, если бы по этому вопросу возникли какія-либо затрудненія, выражалась надежда, что и тутъ «отъ цесарскихъ министровъ, уповательно, сильное вспоможеніе... оказано будетъ». По второму вопросу русское правительство вполнѣ категорически ограничивало свое заступничество за герцога вопросомъ о Шлезвигѣ, и Головкину предписывалось утверждать, что Россія ничего не замышляетъ и не предпринимаетъ для доставленія герцогу шведскаго престола. Въ вопросѣ о шлезвигскихъ притязаніяхъ Головкинъ опять-таки долженъ былъ дѣйствовать въ полномъ согласіи съ представителемъ Австріи и выступать лишь съ такими ходатайствами, которыя Австрія согласится поддерживать. Свои дѣйствія по этому вопросу онъ долженъ былъ согласовать съ дѣйствіями голштинскихъ министровъ, находящихся въ это время въ Суассонѣ. Если бы, однако, оказалось, что съ ними вступаютъ въ непосредственные переговоры, минуя Россію и Австрію, онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы они «далѣе иногда не поступали, какъ общіе наши интересы того требуютъ, и ежели бы они что учинили, то подлежитъ обще съ цесарскими министрами ихъ отъ того удержать». Вообще, въ основу разрѣшенія шлезвигскаго вопроса должны были быть положены обязательства Россіи, какъ они были формулированы въ русско-шведскомъ договорѣ 1724 и русско-австрійскомъ 1726 г. Къ этому вопросу Головкинъ долженъ былъ стараться привлечь также Пруссію, съ которой у Россіи было соглашеніе по этому пункту, а также и Францію, провѣдывая, однако, нѣтъ ли у этой послѣдней съ герцогомъ какихъ-либо секретныхъ обязательствъ. Предначертанная политика не должна была принимать оттѣнокъ холодности къ Англіи и Даніи: первой Головкинъ долженъ былъ дать понять, что Россія ничего не имѣетъ противъ возстановленія прежней дружбы; со второй онъ долженъ былъ также поддерживать

[1]) **Соловьевъ**, op. cit. IV, 1120.

дружелюбныя отношенія, намекая на общность во многихъ случаяхъ русскихъ и датскихъ интересовъ. Дружелюбное отношеніе къ Испаніи должно было проистекать изъ положенія этой державы, какъ союзницы Австріи.

На конгрессѣ, какъ извѣстно, предполагалось затронуть лишь тѣ вопросы, которые такъ или иначе непосредственно касались интересовъ участниковъ двухъ крупныхъ союзовъ. Въ инструкціи, данной Головкину, предусматривалась, однако, и возможность обсужденія на конгрессѣ вопросовъ, касавшихся, прежде всего, Россіи и ея ближайшей сосѣдки, Польши. «Ежели-бы паче всякаго чаянія, говорилось здѣсь, на ономъ конгрессѣ о польскихъ дѣлахъ и о Курляндіи какія предложенія происходили, то имѣетъ онъ (т.-е. Головкинъ) поступать по извѣстнымъ нашимъ въ Польшѣ и въ Курляндіи интересамъ, которые наиглавнѣйше въ томъ состоятъ, чтобъ какъ Рѣчь Посполитная польская, такъ и княжество Курляндское при прежнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ содержаны были». Предусматривалась, наконецъ, возможность со стороны Франціи какихъ-либо попытокъ въ пользу Станислава Лещинскаго. Любопытно, что по данному вопросу инструкція выражалась довольно обще и не совсѣмъ опредѣленно: Головкинъ долженъ былъ только «накрѣпко обнадежить, что Его Имп. Вел. ни съ кѣмъ о какомъ кандидатѣ къ коронѣ польской въ смертномъ случаѣ нынѣшняго короля никакого обязательства не имѣетъ, и что цѣлью Его Имп. Вел. намѣреніе есть и натурально и его и государства его интересъ требуетъ, дабы въ такомъ случаѣ вольная была элекція по правамъ Рѣчи Посполитой... что Его Имп. Вел. пріятно и угодно будетъ ежели въ такомъ случаѣ какой піастъ, а не какой иностранный князь на престолъ возведенъ будетъ»

Успѣшность миссіи Головкина могла зависѣть, очевидно, отъ тѣхъ внѣшнихъ формъ сношенія, какія ему удалось бы установить съ представителями другихъ державъ. Вопросъ о русскомъ императорскомъ титулѣ, который не былъ признанъ еще окончательно нѣкоторыми державами, и, между прочимъ, самой Австріей, могъ играть въ данномъ случаѣ большую роль. Головкину былъ данъ реэстръ державъ, признавшихъ императорскій титулъ, и онъ долженъ былъ внимательно слѣдить за соблюденіемъ этого признанія. Выражалась надежда, что Австрія съ своей стороны постарается избѣжать въ этомъ отношеніи возникновенія какихъ бы то ни было затрудненій. «Однако-жъ, добавлялось въ инструкціи, въ семъ дѣлѣ имѣетъ онъ (т.-е. Головкинъ) поступать со всякою деликатною умѣренностью, съ одной стороны, чтобы высокой чести Его Имп. Вел. не предосудить, а съ другой, чтобъ также отъ того какое непреодолимое затрудненіе въ дѣлахъ не произошло, и для того лучше будетъ сначала искусно провѣдать, съ которой стороны въ дѣлѣ того титула какое затрудненіе учинено быть могло бы, и въ самомъ нужномъ случаѣ употребить пристойное средство для убѣжанія отъ

того, чтобы сіе дѣло въ контестацію не пришло». Рекомендовалось въ особенности держать себя осторожно въ этомъ вопросѣ въ своихъ отношеніяхъ со Швеціей, такъ какъ эта послѣдняя за признаніе титула могла бы потребовать такихъ уступокъ, на которыя никакъ нельзя было бы согласиться [1]).

Начала русской политики, которыми должны были руководиться представители Россіи на конгрессѣ, излагаются и въ издаваемыхъ теперь письмахъ Остермана. Какъ во всякой «партикулярной» перепискѣ, хотя бы и дѣлового характера, въ нихъ яснѣе обрисовывается та мотивировка этой политики, которая не могла найти мѣсто въ офиціальныхъ документахъ. А это, въ свою очередь, позволяетъ удобнѣе наблюдать и тотъ поворотъ въ русской политической системѣ, который въ это время происходилъ.

Условія момента, когда началъ свои засѣданія конгрессъ, значительно отличались отъ тѣхъ, при какихъ возникла мысль о его созваніи. 6 мая 1727 г. скончалась императрица Екатерина I, и по своимъ личнымъ симпатіямъ и видамъ, и по тѣмъ вліяніямъ, подъ которыми она находилась, придавшая русской внѣшней политикѣ голштинскую окраску и агрессивный характеръ. Именно при ней голштинскія притязанія, орудіе въ рукахъ Петра Великаго, стараніями голштинскаго министра гр. Бассевица и поддержкою Меншикова стали самодовлѣющею цѣлью русской политики, принявшей теперь характеръ политики династическихъ приключеній. Рискованность такой политики къ началу 1728 г. должна была почувствоваться особенно сильно въ виду труднаго положенія дѣлъ на Востокѣ и продолжавшейся войны съ Персіей: въ интересахъ Россіи было—использовать свой союзъ съ Австріей исключительно для восточныхъ дѣлъ, освободивъ его отъ такихъ условій, которыя могли привести ее къ разрыву съ другими державами и тѣмъ связать ей руки въ Европѣ. Притязанія герцога на Шлезвигъ и обязательство поддерживать эти притязанія были однимъ изъ такихъ условій. Послѣ смерти императрицы освободиться отъ этого обязательства становилось гораздо легче. Разрывъ

[1]) Инструкція Головкину отъ 14 мая 1728 г.—Дѣла франц. 1728 г. № 8. Головкинъ получилъ ввѣрительныя грамоты: къ Германскому Императору, къ королямъ: Англійскому, Датскому, Испанскому, Польскому, Прусскому, Французскому и Шведскому, и къ Голландскимъ генеральнымъ штатамъ. Ему были даны копіи слѣд. договоровъ и документовъ: Вѣчнаго мира съ Польшею 1686 г. и договоровъ съ Польшею: 1704 и 1709 г.; грамоты англійской королевы Анны (1710 г.) объ обидѣ, учиненной въ Англіи русскому послу Матвѣеву; конвенціи съ Ганноверомъ 1710 г. о нейтралитетѣ германскихъ владѣній Швеціи и договора съ Ганноверомъ 1715 г.; договоровъ съ Даніею 1699 г., 1709, 1710 и 1715 гг.; съ Пруссіею 1709 г.; съ Франціею 1717 г. (Амстердамскій договоръ Россіи, Франціи и Пруссіи); съ Мекленбургомъ 1716 (трактатъ о супружествѣ и союзный договоръ; съ Курляндіею 1710 г. (трактатъ о супружествѣ); съ Турціею 1720 и 1724 гг. и шведской акцессіи къ ганноверскому союзу 1727 г. Въ основу переговоровъ о шлезвигскихъ притязаніяхъ герцога голштинскаго должны были быть положены: трактатъ о будущемъ супружествѣ герцога съ цесаревною Анною Петровною 1724 г., русско-шведскій договоръ 1724 г. и русско-австрійскій 1726 г.

дипломатическихъ сношеній съ Англіей (послѣдовавшій еще въ 1719 г.) не менѣе, чѣмъ голштинскій вопросъ, связывалъ руки Россіи: всюду встрѣчаемое противодѣйствіе англійской дипломатіи затрудняло установленіе дѣйствительно добрыхъ отношеній къ Франціи, Даніи и даже къ Пруссіи. При жизни Георга I, близко принимавшаго къ сердцу мекленбургскую политику Россіи и питавшаго къ Екатеринѣ такое же нерасположеніе, какое въ свое время онъ питалъ къ Петру Великому, добиться примиренія съ Англіей было довольно трудно. Смерть Георга I (11 іюня н. ст. 1727 г.) точно также въ значительной степени разсѣивала сгустившуюся атмосферу. Болѣе осторожное отношеніе къ голштинскимъ притязаніямъ, большая податливость въ вопросѣ о примиреніи съ Англіей начинаетъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе сказываться въ русской политикѣ. Опредѣленно формулируется этотъ новый курсъ и въ письмахъ активнаго руководителя русской внѣшней политики, бар. Андр. Ив. Остермана.

Въ свое время Остерманъ, одинъ изъ первыхъ, вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ, развивая мысль о необходимости требовать отъ Даніи безпошлиннаго прохода для русскихъ судовъ черезъ Зундъ, указывалъ на возможность воспользоваться для этого, какъ угрозою, голштинскими притязаніями, и вообще отстаивалъ агрессивную политику на Балтійскомъ морѣ. Такой точки зрѣнія держался онъ и въ послѣдніе годы петровскаго царствованія, когда ему приходилось выступать лишь въ качествѣ сотрудника великаго царя, и при Екатеринѣ I, когда въ его рукахъ сосредоточились всѣ нити русской внѣшней политики. Въ этой фазѣ своего развитія взгляды Остермана формулированы въ его «Генеральномъ состояніи дѣлъ и интересовъ Всероссійскихъ со всѣми сосѣдними и другими иностранными государствами въ 1726 г.» и въ «Разсужденіи о турецкихъ и персидскихъ дѣлахъ», поданномъ имъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ мартѣ того же года [1]). Время торжества его политической системы, царствованіе Екатерины I было для Остермана и временемъ разочарованія въ пригодности и безопасности тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ онъ думалъ добиться намѣченныхъ имъ цѣлей. При жизни Екатерины бороться съ голштинскими происками было трудно, въ виду той поддержки, какую встрѣчали эти происки у самой императрицы и у всесильнаго Меншикова. Только послѣ ея смерти Остерманъ могъ болѣе послѣдовательно проводить свою новую программу. Время Петра II и было временемъ его окончательнаго перехода къ примирительному направленію во внѣшней политикѣ.

«Цидула къ письму отъ 1 августа 1727 г. къ Куракину является какъ бы изложеніемъ вкратцѣ этой новой программы. Вопросъ о голштинскихъ притязаніяхъ трактуется здѣсь съ гораздо большею сдер-

[1]) „Генеральное состояніе"...—Север. Архивъ 1828 г. кн. I; „Разсужденіе"...—Сб. Имп. Рус. Ист. Об. т. 55, стр. 109.

жанностью, чѣмъ, напримѣръ, въ письмѣ къ тому же Куракину отъ 24 апрѣля т. г. Теперь это—лишь «обязанность», отъ которой надо стараться «освободиться добрымъ порядкомъ». Основною цѣлью русской политики провозглашается прежде всего «убѣжать отъ всего, еже-бъ могло насъ въ какое пространство ввести». Дальнѣйшій шагъ—примиреніе съ Даніей, что, очевидно, стало бы возможнымъ лишь послѣ пріемлемой для послѣдней ликвидаціи шлезвигскаго вопроса и облегчило бы въ свою очередь примиреніе съ Англіей. Россія должна поступать «по конъюнктурамъ и по натуральнымъ своимъ интересамъ» (письмо къ Головкину отъ 30 декабря 1728 г.), и это прежде всего ради восточныхъ дѣлъ, ради которыхъ надо остаться и въ союзѣ съ цесаремъ, и которымъ «Богъ конецъ вѣдаетъ».

Изложенная выше инструкція Головкину, какъ можно было замѣтить, заключаетъ въ себѣ точно также рядъ намековъ на новый политическій курсъ. Болѣе подробно онъ развивается и обосновывается во всѣхъ дальнѣйшихъ письмахъ Остермана. Агрессивная система, завѣщанная послѣдними годами петровскаго царствованія начала уступаетъ мѣсто другой, окончательно закрѣпленной нѣсколько позднѣе, въ 1732 г. возобновленіемъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей и заключеніемъ союзнаго договора съ Даніей. Навстрѣчу этому шло и то направленіе, какое начала принимать теперь общеевропейская политика.

Суассонскій конгрессъ, какъ извѣстно, не выполнилъ намѣченной задачи: всеобщаго примиренія не состоялось, къ взаимной гарантіи не пришли. «Ганноверскимъ союзникамъ» удалось отвлечь отъ Австріи Испанію. 9 ноября н. ст. 1729 г. между Англіей, Франціей и Испаніей съ присоединеніемъ Голландіи былъ заключенъ Севильскій трактатъ, по которому Испанія, отказываясь теперь отъ своихъ широкихъ притязаній, получала частичное удовлетвореніе своихъ требованій. Это было, однако, лишь первымъ шагомъ къ дальнѣйшей комбинаціи, получившей уже болѣе окончательный характеръ. Такою комбинаціею былъ такъ называемый второй вѣнскій союзный договоръ (16 марта н. ст. 1731 г.) между Англіей, Австріей, Испаніей и Голландіей, по которому германскій императоръ, за уступки въ области торговой политики, получилъ отъ Англіи и Голландіи гарантію Прагматической санкціи. Общеевропейское положеніе облегчало для русской политики возможность сочетать австрійскій союзъ съ установленіемъ добрыхъ отношеній съ Англіей, что и ложится съ этого времени въ основу программы Остермана, а, пожалуй, и его преемника, А. Бестужева.

Освѣщеніе указаннаго момента въ исторіи русской внѣшней политики и составляетъ, пожалуй, главный интересъ и значеніе настоящихъ писемъ бар. А. И. Остермана, какъ историческаго источника. Въ связи съ этимъ въ нихъ заслуживаютъ вниманія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ частностяхъ, касающихся хода дѣлъ на Суассонскомъ конгрессѣ и участія въ немъ Россіи. Таково, напримѣръ, извѣстіе о затрудненіяхъ въ признаніи за русскимъ государемъ императорскаго титула, непризнаннаго еще всѣми европейскими державами; данныя о дѣятельности на этомъ конгрессѣ голштинскаго министра гр. Бассевица; нѣкоторыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ русскаго правительства къ Головкину отъ 2-го іюня 1729 г. Являясь отвѣтомъ на его затрудненія, какъ поступать съ полученной отъ правительства инструкціей, разъ «конъюнктуры», вызвавшія эту инструкцію, измѣнились, письмо это заключаетъ въ себѣ какъ бы изложеніе взглядовъ Остермана на существо посольскихъ обязанностей.

Всѣ письма напечатаны цѣликомъ. Опущены лишь обращенія и обычныя заключительныя слова, написанныя обыкновенно рукою секретаря. Самый текстъ въ «отпускахъ» почти всѣхъ писемъ сплошь написанъ Остерманомъ собственноручно.

М. Поліевктовъ

I.

Къ кн. Б. И. Куракину. 24 Апрѣля 1727 г.

За пріобщеніе имѣющаго съ англійскимъ министромъ [1]) разговору всепокорно благодарствую. Изъ онаго усмотрѣлъ:

1) Что англинская эскадра въ Балтическое море посылается не для аттакованія насъ, но токмо для предосторожности, чтобы мы за интересы Его Королевскаго Величества герцога голштинскаго короля дацкаго не аттаковали [2]).

2. Что Англія къ пресѣченію несогласія съ нами не склонна.

3. Будто чрезъ дука де-Леріа [3]) намъ отъ претендента предложе-

---

[1]) Вальполь, Горасъ (1678—1757), братъ Роберта Вальполя, англійскій посолъ въ Парижѣ въ 1724—1730 гг. Незадолго до этого со стороны Англіи были сдѣланы попытки возобновить съ Россіей дипломатическія сношенія, прерванныя съ 1720 г., послѣ высылки изъ Лондона русскаго резидента М. Бестужева. Цѣлью этихъ попытокъ, повидимому, было—отвлечь Россію отъ Австріи и Испаніи и тѣмъ ослабить противниковъ Англіи на предстоящемъ конгрессѣ. „Мы отъ сердца соболѣзнуемъ“, говорилъ Вальполь Б. Куракину, „что вашъ дворъ учинилъ алліансъ съ вѣнскимъ дворомъ, а не съ нашимъ, и воистину намѣреніе короля было прямое учинить оный алліансъ и увидѣли бы какой изъ того профитъ вашему двору былъ. И могу васъ обнадежить, что и въ нынѣшнемъ случаѣ, хоть алліансъ съ вѣнскимъ дворомъ и учиненъ, король никакихъ противныхъ намѣреній не имѣетъ, и что при всякомъ случаѣ будетъ того искать, чтобъ въ доброй корреспонденціи и дружбѣ пребыть“ (Реляц. Б. Куракина 28 ноября 1726 г. —Дѣла франц. 1726 г., № 4).

[2]) Въ маѣ 1726 г., когда отношенія Англіи къ Австріи и Испаніи приняли крайне натянутый характеръ, ею была произведена грандіозная морская демонстрація. Эскадра адмирала Уоджера (Wager), въ соединеніи съ датской, появилась передъ Ревелемъ. Другая, подъ начальствомъ адмирала Газье (Hasier), была направлена къ Гаваннѣ, чтобы блокировать испанскій флотъ, везшій серебро изъ Новаго Свѣта въ Портобелло и тѣмъ помѣшать Испаніи уплатить Австріи выговоренную по союзному договору субсидію. Третья стаціонировала у берегахъ самой Испаніи. (Срав. Соловьевъ, Исторія Россіи кн. IV, 962—965 и Droysen, Geschichte der preussischen Politik IV, 2; 1, 427). Въ 1727 г., въ виду предпринятой испанцами осады Гибралтара, этотъ маневръ повторялся. Это дало ближайшимъ образомъ поводъ къ началу мирныхъ переговоровъ, приведшихъ къ конгрессу.

[3]) Герцогъ де Лиріа и Киксена, испанскій посолъ въ Россіи съ 1727 по 1730 г. Его посольство въ Россію стояло въ тѣсной связи съ состоявшимся передъ этимъ присоединеніемъ Россіи къ австрійско-испанскому союзному договору 30 апрѣля 1725 г. Это присоединеніе не сопровождалось присоединеніемъ Россіи къ торговому договору Австріи и Испаніи 1-го мая т. г. Главною цѣлью миссіи де Лиріа было установленіе

нія учинены будутъ, и будто шесть кораблей Гишпаніи въ пользу претендента мы дать здѣсь намѣрены.

На сіе Вашей Свѣтлости партикулярнымъ своимъ разсужденіемъ отвѣтствую.

На 1-е.

Мнится, что надлежитъ за основаніе положить и натурально есть, что мы за Его Королевское Высочество заступать должны. Обстоятельства, въ которыхъ мы о семъ дѣлѣ находимся съ откровеннаго сообщенія, и, что еще вящѣе того, съ собственнаго совѣту французскаго взяты и, слѣдовательно, тогда иной коронѣ не были противны. А сколь мало мы намѣреніе имѣемъ сіе дѣло оружіемъ производить, о томъ, кажется, невозможно явственнѣйшее доказательство подать, какъ представленіемъ при бывшей съ французскимъ дворомъ негоціаціи извѣстнаго голштинскаго артикула [1]), въ которомъ не о редукціи, но только о справедливой сатисфакціи упомянуто было.

Сію справедливую сатисфакцію Франція сама и самъ король англійскій за потребную и за праведную почитаютъ, и явно есть, что ежели-бъ оные на сей артикулъ поступили, тобъ не токмо всѣ несогласія вдругъ пресѣчены, оныя державы нашимъ союзомъ усилены, и вся причина къ посылкѣ флота въ здѣшнее море (ежели оная та, о которой Вамъ посолъ объявилъ) отнята была.

Оную справедливую сатисфакцію такожде исходательствовать не трудно было—обѣимъ тѣмъ державамъ не такъ дорого-бъ стало, какъ посылка сей эскадры, и прочія великія иждивенія, которыя оныя въ Швеціи или же и у самого короля дацкаго, дабы его отъ партикулярнаго примиренія съ Его Корол. Высочествомъ удержать и въ свою сторону привесть и содержать, употреблять принуждены, стоятъ.

Но тогда Франція и Англія не токмо на сей артикулъ, несмотря на справедливость онаго, не приступили и союзъ нашъ уничтожили, но еще паче вездѣ явно противу интересовъ нашихъ себя декларовали, флотъ противу насъ послали, всѣхъ сосѣдовъ противу насъ возбудили, то хотѣлъ бы я, чтобъ французскіе министры по совѣсти своей сами сказали, какое мы о томъ могли мнѣніе имѣть, и не при-

---

болѣе тѣснаго сближенія между Россіей и Испаніей путемъ заключенія между ними торговаго трактата, что должно было больше втянуть Россію въ торговую политику вѣнскихъ союзниковъ (см. указ. выше статью „Герцогъ де Лиріа и его проектъ учрежденія испанскаго консульства въ Россіи“). Одновременно съ этимъ герцогу де Лиріа поручалось стараться, чтобы Россія оказала помощь претенденту („Осмнадцатый вѣкъ“ изд. Бартенева, т. II, стр. 9). Все это, вмѣстѣ съ происхожденіемъ де Лиріа (сынъ маршала Бервика, побочнаго сына Іакова II Стюарта), заставляло, конечно, ганноверскихъ союзниковъ съ тревогою слѣдить за этой миссіей.

[1]) Этотъ артикулъ — въ контръ-проэктѣ союзнаго трактата, составленномъ русскими министрами и представленномъ французскому послу Кампредону (см. Сборн. Рус. Историч. Об. т. 58 стр. 282).

нуждены-ли мы были такожде искать себя новыми союзами утвердить и въ непрестанномъ вооруженномъ оборонительномъ состоянiи себя содержать, ибо безъ всякихъ кондицiй себя на дискрецiю королю англинскому въ руки отдать кто-бъ посовѣтовать могъ?

Сiе, по моему мнѣнiю, такъ праведно, что никакой безстрастный человѣкъ, хотя-бъ передъ Богомъ стать, и сами французскiе и англинскiе министры отпираться не могутъ, что при такихъ съ ихъ стороны поступкахъ мы для своей предосторожности то учинить принуждены были.

Я Вашей Свѣтлости не хочу утомлять, что я бы по моему партикулярному мнѣнiю разсуждалъ, что прибыточнѣе намъ было бы ни съ кѣмъ союзомъ не обязаться, но смотрѣть на конъюнктуры.

Но когда съ одной стороны турецкiя дѣла еще не окончены, а съ другой въ такiя дѣла принуждены были входить, которыя безъ вспоможенiя другихъ окончены быть не могутъ, и за которыя, каковыя оныя не справедливы, другiе токмо на насъ злобятся, но и весь свѣтъ явно на насъ подымается, то что дѣлать?

До сего времени инако мнить было невозможно, окромѣ что король англинской едино для имущаго опасенiя отъ Бремена и Вердена [5]) такъ жестоко противъ насъ поступаетъ, но когда чрезъ бывшую негоцiацiю онъ себя о нашей гарантiи и о нашемъ союзѣ увѣритъ и при томъ безъ такихъ великихъ иждивенiй и проторей шлезвицкое дѣло по удовольству всѣхъ сторонъ окончить въ состоянiи были и однако жъ все то откинули, то сей поступокъ не безъ основанiя поводъ подалъ мнить, что знатно онъ оное дальнаго виду намѣренiе имѣетъ.

И сiе сколько до Сѣвера принадлежитъ, какъ въ самомъ дѣлѣ открылось, понеже надежную вѣдомость получили, что король англiйскiй корону швецкую прочитъ второму своему внуку [6]) и о томъ дѣйствительное согласiе учинено съ королемъ швецкимъ и Горномъ [7]), по которому король англинской обѣщаетъ Бременъ и Верденъ тогда

[5]) Бременъ и Верденъ, шведскiя владѣнiя въ Германiи, были отняты отъ Швецiи во время Великой Сѣверной войны въ 1712 г. Верденъ тогда же былъ занятъ Георгомъ I англiйскимъ, какъ курфюрстомъ ганноверскимъ. На уступку ему же Бремена Данiя согласилась лишь въ 1715 г., удовлетворившись занятымъ ею съ 1712 г. голштейнъ-готторпскимъ Шлезвигомъ, въ чемъ до этого времени встрѣчала постоянное сопротивленiе со стороны Швецiи. См. Erdmannsdörfer, Deutsche Geschichte v. 1648—1740. Bd. II ss. 154, 323, 326, 336 и 337. Окончательно Бременъ и Верденъ были уступлены Швецiей Ганноверу по Стокгольмскому миру 9 (20) ноября 1719 г.

[6]) Вильгельмъ-Августъ, герцогъ Кумберландскiй р. 1721 г. ум. 1765 г. (*третiй* сынъ наслѣднаго англiйскаго принца, будущаго короля Георга II; его *второй* сынъ Георгъ-Вильгельмъ, умеръ на второмъ году жизни въ 1718 г.).

[7]) Горнъ, Арведъ-Бернгардъ, графъ, р. 1664 г., ум. 1742 г., президентъ шведской коллегiи иностранныхъ дѣлъ, игралъ видную роль въ событiяхъ въ Швецiи послѣ смерти Карла XII, въ 1720 г. провелъ избранiе на шведскiй престолъ Фридриха Гессенъ-Кассельскаго. Сочувствуя первое время послѣ ништадтскаго мира сближенiю съ Россiей, Горнъ недовѣрчиво относятся къ проискамъ въ Швецiи голштинской партiи. Послѣ па-

Швецiи возвратить, кромѣ другихъ великихъ авантажей, которые Швецiи отъ такого соединенiя съ домомъ его при томъ показаны, и для такого такожде при нынѣшней акцессiи швецкой одинъ секретный артикулъ учиненъ, по которому обѣщаютъ Станислава на польскiй престолъ возвести и тогда купно съ нимъ наши конкеты отобрать.

Есть же другой секретный артикулъ, по которому обѣщали обѣщаннаго вспомогаемаго войска отъ Швецiи тогда не требовать. И сiи артикулы секретнѣйшiе, о которыхъ двухъ первыхъ только одинъ король, г-нъ Дибенъ да Врангель [8]) извѣстны; Горна утвердили сiю акцессiю производить [9]).

Сiе есть подлинно, но будетъ ли съ французскими интересами сходно, чтобъ англiйскiй король чрезъ полученную корону швецкую еще въ вящую силу пришелъ, то оставляю собственному добрыхъ французскихъ министровъ разсужденiю.

Намъ и многимъ инымъ сiе дѣло не можетъ быть полезное.

Изъ всего сего разсужденiя по послѣдней мѣрѣ сiе явно будетъ, что прекращенiе несогласiй между нами и королемъ англинскимъ только отъ короля самого зависитъ. Какъ войну объявить никакого другого противнаго намѣренiя не имѣютъ, то для чего къ резонабельному акомодаменту въ шлезвицкомъ дѣлѣ не вспомогаютъ? Ибо

денiя этой партiи въ 1727 г. Горнъ игралъ главную роль въ шведской политикѣ. Въ это время онъ былъ уже противникомъ Россiи, стоялъ за сближенiе съ Англiей и былъ на сторонѣ ганноверскаго союза.

[8]) Дюбенъ, Iоахимъ (1671—1730), гофъ-канцлеръ съ 1723 г. и членъ Государственнаго Совѣта съ 1729 г.; участвовалъ въ полтавской битвѣ. Врангель, Эрихъ (1686—1765), былъ избранъ въ 1720 г. сеймомъ въ члены „комиссiи по секретнымъ дѣламъ" (secretta utskottet), въ которой и было рѣшено къ данному времени приступить къ ганноверскому союзу.

[9]) Сообщаемые здѣсь слухи о династическихъ замыслахъ англiйскаго короля въ Швецiи циркулировали въ началѣ 1727 г., очевидно, въ связи съ подготовлявшимся въ Швецiи паденiемъ голштинской партiи и начинающимся поворотомъ въ сторону ганноверскаго союза. Подобный планъ приписывался ганноверскому министру Бассевицу (двоюродный братъ голштинскаго министра). Въ этотъ же планъ входили будто-бы и замыслы вернуть Швецiи всѣ ея владѣнiя, потерянныя ею въ Сѣверную войну („Copia P. S-ti Relationis du 22-me Janvier 1727.—Дѣла шведскiя 1726/27, № 19; а также Релящiя Долгорукаго 17 марта 1727 г. № 2—ibid. 1727, № 6"). Въ связи со всѣмъ этимъ стоитъ, очевидно, и та редакцiя, въ какой передаются здѣсь условiя присоединенiя Швецiи къ ганноверскому союзу.Въ томъ текстѣ акцессiи, который напечатанъ у Dumont (Corps diplomatique universelle; vol. VIII, 2 p. 158) и въ другихъ изданiяхъ, пункта о Станиславѣ Лещинскомъ нѣтъ вовсе. Швецiя приступала къ союзу на слѣдующихъ условiяхъ: 1. Она гарантировала лишь европейскiя владѣнiя союзниковъ. 2. На случай войны она выставляла вспомогательный корпусъ въ 5000 чел., который, по требованiю нападаемой стороны, могъ быть замѣненъ кораблями или деньгами. 3. По секретному пункту она обязывалась держать, сверхъ того, наготовѣ 10-тысячный корпусъ. 4. Ни тотъ ни другой изъ этихъ корпусовъ не могли быть требуемы ни въ Испанiю, ни въ Италiю. 5. Взамѣнъ за это Францiя и Англiя, каждая, обязывались выплатить Швецiи въ три года 50.000 ф. стерлинговъ.

тогда ни флотъ, ни другое какое убыточное иждивеніе больше не потребно. И еще многіе иные авантажи воспослѣдствовать могутъ.

Но пока къ тому не приступятъ и нынѣшніе поступки продолжатся, то какъ мы можемъ себя усыпить допустить? Такое же весь свѣтъ знаетъ и признаваетъ, что на окончаніе шлезвицкаго дѣла ни десятая нынѣшнихъ иждивеній не потребна, и вѣрить никто не можетъ, чтобъ английское министерство для сего такъ легко окончаемого дѣла похотѣло великія иждивенія учинить и въ такія дальнія и не вовсе безопасныя дѣла со всѣмъ свѣтомъ входить.

На 3 могу Вашу Свѣтлость вѣрно обнадежить, что съ нашей стороны съ тѣмъ человѣкомъ ничего не происходило и мимо Васъ ничего не учинено, а о предложеніи дуки де-Лирія мнѣ неизвѣстно и о перепускѣ 6 кораблей ложно.

И я Вашей Свѣтлости могу при томъ партикулярное свое мнѣніе доносить, что хотя бъ и по конъюнктурамъ впредь такое дѣло могло бъ потребное и полезное быть, однако жъ не могу понять, какъ бы по послѣдней мѣрѣ безъ согласія французскаго произведено быть могло бъ.

И понеже и безъ того недавно велѣно вездѣ явно объявить о ложномъ нарѣканіи англинскомъ въ томъ дѣлѣ на насъ, [10]), того ради мнится, что Ваша Свѣтлость, ежели по тамошнему съ интересами нашими сходно будетъ, не токмо французскихъ министровъ, но и его Валпола о неосновательствѣ тѣхъ вѣдомостей обнадежить можете.

Все сіе подвергаю мудрѣйшему Вашей Свѣтлости разсужденію, яко жъ и то, ежели за благо разсудите, извѣстите, ко интересамъ россійскимъ какой усажъ тѣмъ учинить.

(Помѣта: «приложеніе къ князю Куракину при письмѣ господина вице-канцлера барона Остермана отъ 22 апрѣля 1727»).

---

[10]) Здѣсь имѣется, очевидно, въ виду декларація, сдѣланная передъ этимъ 24 янв. (4 февр.) 1727 г. Куракинымъ отъ имени Екатерины I французскому правительству: „Les affaires de toutes les Puissances de l'Europe se trouvant à present dans une situation si delicate, que la moindre fausse invention porte d'abord prejudice aux interêts d'un chacun, S. M. Im-le de toutes les Russies, ayant appris avec un grand etonnement que le ministre d'Angleterre a insinué tant à la Nation Britannique, qu'à plusieurs autres Cours par les ministres des choses tout à fait insoutenable sans craindre d'offenser la verité et la justice, comme si S. M. Imp-le etait en effait entrée en engagement avec le Pretendent pour lui procurer par ses secours la couronne d'Angleterre.

Et comme ces nouvelles sont inventeés au prejudice de S. M. Imp-le, Elle m'a ordonné de declarer à S. M. très Chretienne, qu'elle n'a jamais contracté aucun engagement avec le Pretendant, et qu'elle regarde ces nouvelles debitées par les ministres Anglais pour des veritables et pures colomnies, aussi malicieuses, qu'indignes de la creance de tous les honnetes gens, par lesquelles le Ministre d'Angleterre tache de couvrir ses injustes demarches et son animosité, qu'il a si ouvertement temoignées à l'egard de S. M. Imp-le voulant même par ce moyen non seulement justifier le violent procedé auprès de la Nation Britannique, qui se trouve toujours avec l'Empire Russien dans une parfaite amitié, mais encore chercher de la pouvoir porter, ainsi que les autres Puissances

II.

Къ кн. Б. И. Куракину. Петербургъ; 1 Августа 1727г. [11])

Я уже чрезъ долгое время не имѣю честь отъ Вашей Свѣтлости какимъ писаніемъ удостоеннымъ быть; такожде на нѣкоторыхъ почтахъ и реляцій отъ Вашей Свѣтлости не было. И отъ того по моему всегдашнему вѣрному къ Вашей Свѣтлости имѣющему благоговѣнію въ нѣкоторомъ сумнѣніи нахожусь о дрожайшемъ Вашемъ здравіи.

О опредѣленіи Вашей Свѣтлости къ будущему конгрессу, надѣюсь, что ужъ Вамъ давно извѣстно, и я Вашу Свѣтлость прошу безъ обстоятельнаго увѣдомленія обо всемъ тамошнемъ и что до интересовъ здѣшнихъ касаться можетъ насъ не оставить, ибо при сихъ деликатныхъ конъюнктурахъ и при новомъ здѣшнемъ правительствѣ сіе едва ли не нужнѣе всего, дабы во всемъ прямыя мѣры взять могли.

Его К—е В—о купно съ Государынею Цесаревною поѣхали въ Голштиндію [12]), дабы къ тому конгрессу въ близости быть; и понеже и Францiя къ резонабельному удовольству себя всегда склонну объявила, того ради мочно уповать, что и сіе дѣло безъ великихъ затрудненій на конгрессѣ окончано быть можетъ. Весьма бъ какъ для сего дѣла, такъ и для мекленбургскаго полезно было, ежели между Англіею и Франціею нынѣшняя тѣсная конфиденція какимъ случаемъ могла хоть малымъ образомъ умалена быть.

Отсюда къ Вашей Свѣтлости къ доношенію нынѣ особливаго не имѣю, только, что его Им—е Вел—о слава Всевышнему Богу въ добромъ здравіи, и прочія дѣла благополучно состоятъ.

(Помѣта: «отъ господина вице-канцлера къ князю Борису Ивановичу Куракину»).

à la même animosité contre S. M. Imp-le“ (при реляціи кн. Б. Куракина отъ 24 янв. 1727 г.—Дѣла французскія 1728 г., № 7б.). Вальполь въ отвѣтъ на успокоенія на этотъ счетъ Куракина ограничился отвѣтомъ: „Мы весьма могли благодарны тѣмъ быть, если были не правы“ (Письмо Куракина къ Остерману отъ 19 мая 1727 г.—ibid. № 6). О сношеніяхъ русскаго правительства съ якобитами при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, находимъ, между прочимъ, въ донесеніяхъ ганноверскаго резидента въ Россіи Вебера (въ „Zeitgenossische Berichte zur Geschichte Russlands“, II), въ „Архивѣ кн. Куракина“ (passim) и въ донесеніяхъ французскихъ и англійскихъ посланниковъ („Сб. Рус. Имп. Ист. Об.“ т. т. 34, 40 и 51). См. также Соловьевъ, „Исторія Россіи“, кн. IV, т. 17, гл. 1 и 3; т. 18, гл. 2; Ranke „Engl. Geschichte“ cap. 3. Поліевктовъ, Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ ништадтскаго мира, гл. 1 и 3.

[11]) Письмо это, вѣроятно, уже не застало кн. Куракина въ живыхъ: онъ умеръ 18 сент. ст. ст. 1727 г. въ Парижѣ.

[12]) Герцогъ Голштинскій и его супруга выѣхали изъ Петербурга 25 іюля 1727 г.—Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. IV (нов. изд.) стр. 1028.

III.

Приложеніе къ предыдущему письму.

При нынѣшнемъ случаѣ система наша, по мнѣнію моему, ни въ чемъ иномъ состоять можетъ:

1. Чтобъ убѣжать отъ всего, ежебъ могло насъ въ какое пространство ввести.

2. Но чтобъ сіе получить, держать себя въ порядочномъ и добромъ состояніи, а, между тѣмъ, искать:

3. Освободиться добрымъ порядкомъ отъ имѣющихъ обязанностей съ голштинскимъ дворомъ, такожде и съ мекленбургскимъ.

4. Получа то, возобновить прежнее согласіе съ дацкимъ.

5. Короля прусскаго искать присодержать, ибо хотя и вспоможенія великаго отъ него ожидать невозможно, однако жъ для другихъ сосѣдовъ пригодится.

6. Съ цесарскимъ остаться въ союзѣ и для нынѣшнихъ нашихъ персидскихъ дѣлъ, которымъ Богъ конецъ вѣдаетъ.

7. А съ другими державами искать дружбу и союзъ, смотря по конъюнктурамъ и по обращеніямъ тамошнихъ дѣлъ.

(Помѣта въ началѣ: «цидула къ князю Борису Ивановичу Куракину къ письму отъ 1 августа 1727 года». Въ концѣ: «такова цидулка послана особливо, и на оной подписано, чтобъ онъ, князь Куракинъ съ цифръ разобрать изволилъ самъ»).

IV.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 7 октября 1728 г.

Вашего Сіятельства милостивое писаніе отъ 29 августа и 9 сентября я исправно получилъ и, по всепокорномъ моемъ за оныя благодареніи, доношу:

Что надлежитъ до полныхъ мочей съ титуломъ Императорскимъ, то я весьма удивляюсь, какъ присутствующіе на конгрессѣ министры, кромѣ цесарскаго, въ принятіи оныхъ затрудненіе чинить могутъ, понеже, какъ французскій, такъ и испанскій и прочіе всѣ державы, кромѣ цесаря грамоты Е. И—го Вел—а съ Императорскимъ титуломъ безспорно чрезъ толь многіе годы принимаютъ и толь меньше министры ихъ причину имѣютъ въ принятіи нашихъ полныхъ мочей затрудненіе.

Что до Гиспанскаго перваго министра и его поступковъ принадлежитъ, то я не оставилъ о томъ пристойнымъ образомъ себя изъяснить съ пребывающимся здѣсь дукомъ де-Леріа, который меня

именно обнадежилъ, что Бурнонвиля [13]) новые поступки отъ двора его весьма апробованы не будутъ, и учинилъ мнѣ при томъ сію конфиденцію, что Бурнонвиль у двора въ дисграціи и уже четыре указа получилъ ко двору возвратиться.

И тако я надѣюсь, что сіе дѣло о титулѣ въ дальность не произошло, и хотя бъ и съ нашей стороны такой актъ де нонъ преюдикандо данъ быть имѣлъ, то отъ того предосужденія не будетъ, понеже остаемся при своемъ.

Мы здѣсь съ цесарскимъ министромъ [14]) о семѣ дѣлѣ обстоятельно говорили, который по полученнымъ отъ графа Синцендорфа [15]) вѣдомостямъ насъ обнадежилъ, что оное дѣло уже вышеписаннымъ порядкомъ окончено и впрочемъ пространно засвидѣтельствовалъ объ ихъ прямыхъ къ намъ поступкахъ. Но понеже сіе титулярное дѣло цесарскому двору весьма деликатное, того ради партикулярно собою чаю, что со стороны графа Синцендорфа не безъ трудности въ томъ дѣлѣ было, но что при томъ онъ стараться будетъ, дабы какимъ пристойнымъ средствомъ оное окончено было, о чемъ мы будемъ отъ Вашего Сіятельства извѣстія ожидать. И прошу при томъ обстоятельно изображать всѣ происхожденія, дабы по тому лучше въ поступкахъ нашихъ со всѣми основательнѣйшія мѣры взять могли. А въ запасъ посылаются еще при семъ къ Вашему Сіят. 2 генеральныя полныя мочи, либо оные Вамъ къ чему служить могутъ.

Дукъ де-Леріа еще мнѣ конфеденцію учинилъ объ уходѣ дуки де-Риперда отъ Гиспаніи и я Ваше Сіятельство прошу насъ увѣдомить о резонементахъ тамошнихъ и семъ уходѣ, и какое слѣдство отъ того быть может или и будетъ. Тоже говорятъ, что сей Риперда человѣкъ весьма неспокойный [16]).

---

[13]) Де-Бурнонвиль, Мишель-Жозефъ, маркизъ (1672—1752), испанскій посолъ въ 1726 г. въ Вѣнѣ, въ 1727 г. на суассонскомъ конгрессѣ. Біографическія свѣдѣнія о немъ—въ Recueil des instructions, données aus ambassadeurs de France, vol. XII p. 2 p. 217.

[14]) Вратиславъ, Францискъ-Карлъ, графъ, австрійскій посолъ въ Россіи съ 1728 по 1733 г.

[15]) Синцендорфъ, Филиппъ-Людвигъ (1671—1742) оберъ-гофъ-канцлеръ австрійской канцеляріи при Іосифѣ I и Карлѣ VI, выдающійся дипломатъ, игравшій видную роль во многихъ европейскихъ событіяхъ своего времени, представитель на Суассонскомъ конгрессѣ, открывшій 14 іюля 1728 г. засѣданія этого конгресса (см. Allgemeine Deutsche Biographie).

[16]) Де-Риперда, Іоаннъ-Вильгельмъ, баронъ, дипломатъ, род. въ концѣ XVII в., ум. въ 1737 г. въ Тетуанѣ, голландецъ по происхожденію. Поступивъ на испанскую службу, принялъ католичество и содѣйствовалъ заключенію въ 1725 г. союза между Испаніей и Австріей, за что получилъ баронскій титулъ и былъ осыпанъ милостями. Въ декабрѣ 1725 г. былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе департаментомъ военныхъ дѣлъ и финансовъ. Черезъ-чуръ рискованные проэкты Риперды, въ связи съ его иностраннымъ происхожденіемъ, возбуждали противъ него неудовольствіе испанской знати. Лѣтомъ 1727 г. послѣдовало его паденіе, и это событіе знаменовало начало поворота испанской политики въ сторону сближенія съ ганноверскими созниками. Риперда покинулъ Испанію, а въ концѣ своей жизни перебрался въ Марокко, принялъ магометанство и, основавъ особую секту, возбуждалъ мавровъ противъ Испаніи (Michaud, Biographie Universelle).

По написаніи сего часу я послѣднюю Вашего Сіятельства реляцію отъ 9 сентября получилъ, изъ которой я усмотрѣлъ, что бывшіе съ Вами разговоры отъ гардессо [17]) сходные съ тѣмъ, что въ прежнихъ указахъ часто изображено, а именно, что по окончаніи сего конгресса всякая держава не по нынѣшнимъ, но по настоящимъ своимъ интересамъ поступать станетъ. И для того я Вашему Сіятельству партикулярное свое мнѣніе объявляю, что надобно искать всѣхъ въ доброй склонности содержать, не подавъ никому амбражу, ибо во время сего конгрессу по всѣмъ обстоятельствамъ въ имѣющихъ со всѣхъ сторонъ взятыхъ обязательствахъ перемѣнъ ожидать трудно; однако жъ склонными и не предосудительными ласкими поступками вредъ причинить себѣ не можемъ.

(Помѣтка: «Къ графу Александру Гавриловичу Головкину»).

V.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 28 октября 1728 г.

Милостивыя Вашего Сіятельства писанія я во свое время всѣ въ цѣлости получилъ, и за оныя и особливо за продолженіе Вашей ко мнѣ милостивой склонности всепокорно благодарствую и о вѣрной моей неотмѣнной преданности за подлинно обнадеживаю.

Что надлежитъ до присланнаго проекта тамошняго купца, то будемъ напередъ ожидать нынѣ отъ него отправленной пакетъ. И смотря по тому о предбудущей поставкѣ о Его Вел-а Всемилостивѣйшемъ соизволеніи Вашему Сіятельству донесено и потребныя деньги переведены будутъ.

Что касается до Мекленбургскаго дѣла, то я самъ вѣдаю и признаваю, что господинъ графъ Бассовичь [18]) могъ бы въ томъ какъ у графа Синцендорфа, такъ и въ прочимъ, полезныя герцогу услуги показать. И я для склоненія герцога къ нему не оставилъ и прежде

[17]) де-Шовелэнъ (Chauvelin), Жермэнъ-Луи (1685—1762), хранитель печати (garde des sceaux) и статсъ-секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ съ1727 по 1737 гг. Пользовался за это время большимъ довѣріемъ кардинала Флери (см. примѣч. 38). Назначеніе де-Шовелэна (на мѣсто де-Морвиля) разсматривалось нѣкоторыми, какъ симптомъ освобожденія французской политики отъ англійскаго вліянія, особенно сильнаго во время регентства герцога Бурбонскаго (реляц. Б. Куракина 18 авг. 1727 г.—Дѣла французскія 1720 г., № 76).

[18]) Бассевицъ (обыкновенно—Бассевичъ), Генингъ-Фридрихъ, гр. (1680—1748), авторъ извѣстнаго „Eclaircissement sur plusieurs faits relatifs au Regne du Pierre le Grand“, съ 1713 г. на голштинской службѣ, съ 1724 г. первый министръ герцога голштинскаго и въ данное время его уполномоченный на конгрессѣ. Бассевицъ былъ родомъ мекленбургскій дворянинъ. Въ своемъ письмѣ къ Остерману отъ 6 окт. 1728 г. Головкинъ указывалъ, что Бассевицъ могъ бы быть полезенъ для дѣла герцога мекленбургскаго (Дѣла франц. 1728 г., № 12).

сего, и нынѣ вновь, гдѣ надлежитъ, пристойныя внушенія учинить. Но понеже Вашему Сіятельству нравъ сего государя извѣстенъ, того ради незнаю, какое сіе дѣйство возымѣть можетъ. Ежели бъ господинъ графъ Бассовичь началъ какія полезныя услуги нынѣ дѣйствительно сему государю показывать, то я не отчаюся и его герцога къ нему склонить и о всякомъ его герцога признаніи и благодарности его увѣрить. По мекленбургски говоря, трійеръ геръ—трейеръ кнегтъ, а по моему лучше: трейеръ кнегтъ—трейеръ геръ.

О приключившемся тамо затрудненіи въ дѣлѣ полныхъ мочей учинены здѣсь цесарскому и гиспанскому министрамъ довольно сильныя представленія и Ланчинскому [19]) прямо при цесарскомъ дворѣ о томъ представлять и отвѣтъ цесарской Вашему Сіятельству сообщить велѣно. Первый говоритъ, что цесарю и цесарскимъ министрамъ больше того учинить невозможно, окромѣ что не токмо въ томъ въ предосужденіе наше никакого препятствія не чинятъ, но еще подъ рукою даютъ знать, что цесарю партикулярно сіе не противно, объявляя, что то, еже въ семъ дѣлѣ постановлено между цесарскимъ и нашимъ дворомъ, отъ другихъ дворовъ претендовано и въ конзеквенцію взято быть не можетъ. А гиспанскій министръ весьма поступки ихъ министровъ не апробуетъ и, какъ онъ сказываетъ, неоднократно къ имъ о томъ и ко двору писалъ, о чемъ прошу провѣдать и мнѣ сообщить для взятія пристойныхъ мѣръ.

(Помѣта: «Къ графу А. Гавриловичу Головкину»).

VI.

Къ гр. А. Г. Головкину [20]).

О дѣлахъ ссылаюсь въ началѣ на прежнія мои къ Вашему Сіятельству отправленныя партикулярныя письма, въ которыхъ я сообщилъ планъ и намѣреніе здѣшнее во всѣхъ дѣлахъ, который наи-

[19]) Ланчинскій Людвигъ, русскій полномоченный министръ въ Вѣнѣ съ 1721 по 1751 г.

[20]) Sine dato et loco. Отпускъ этого письма находился между отпусками писемъ отъ 28 октября и 30 декабря 1728 г. Обычная въ началѣ всѣхъ отпусковъ помѣта, отъ кого, кому, откуда и когда послано письмо, здѣсь отсутствуетъ; рукою секретаря написано только: „цидула“. Нѣтъ также заключительныхъ, обычныхъ въ письмѣ фразъ. Не есть-ли эта „цидула“ приложеніе къ послѣднему письму, которое Остерманъ счелъ нужнымъ почему либо приложить особо, хотя бы для того, чтобъ гр. Головкинъ самъ его дешифрировалъ, какъ помѣщенное выше приложеніе къ письму къ кн. Куракину отъ 1 авг. 1727 г.? На мысль о томъ, что это — приложеніе, а не самостоятельное письмо, наводитъ уже самый терминъ „цидула“: этимъ терминомъ обозначены здѣсь всего три документа: настоящій, сейчасъ упомянутое приложеніе къ письму кн. Куракину и помѣщаемое ниже подъ № VIII также приложеніе къ другому письму; всѣ другія письма, составлявшія очередную корреспонденцію помѣчаются секретаремъ Остермана, какъ „письма“. Содержаніе настоящей „цидулы“ оправдываетъ также предположеніе, что это—приложеніе и имѣнно къ письму отъ 28 октября, предназначавшееся

главнѣйше въ томъ состоитъ, дабы добрымъ окончаніемъ нынѣшняго конгресса и генеральнымъ примиреніемъ нынѣшнихъ несогласій европейскихъ добрый способъ освободиться отъ нѣкоторыхъ обязательствъ, которыя, какъ Вашему Сіятельству извѣстно, намъ не безъ тягости и которыя пока не опредѣлены, причиною будутъ, что всѣ дѣла въ кризѣ останутся и никоторая держава къ прежнимъ натуральнымъ максимамъ своимъ возвратиться, и слѣдовательно и ни съ кѣмъ прямыя мѣры взять невозможно. Дай Богъ Вамъ хотя голицинское дѣло основательно окончать.

Чрезъ сіе Вашему Сіятельству въ конфиденцію доношу, что писано сюда къ нѣкоторому человѣку отъ одного тамошняго пріятеля, что дѣло затрудненія въ титулатурѣ произошло отъ того, что В. С. показали свою полную мочь прежде конференціи шведскому министру Геду [21]), который потомъ у другихъ министровъ сіе дѣло въ движеніе привелъ, дабы и онъ съ товарищемъ [22]) своимъ тѣмъ пользоваться и по нынѣшней шведской холодности также при размѣнѣ тѣхъ полныхъ мочей, какой авантажъ получить могъ. Тѣхъ шведскихъ министровъ злости и хитрости станется толико, однако жъ по имѣющимъ здѣсь нѣкоторымъ постороннимъ вѣдомостямъ изъ Швеціи къ нимъ указъ посланъ, чтобы они съ своей стороны затрудненія не учинили. Сіе прошу только вѣдать про себя.

для дешифрировки. Въ главной его части дѣлаются нѣкоторыя дополненія къ вопросу о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Головкинымъ при размѣнѣ его полномочій на конгрессѣ, о чемъ говорится и въ письмѣ отъ 28 октября. Эти дополненія—болѣе интимнаго характера, „въ конфиденцію“, и заключаютъ въ себѣ нѣкоторый упрекъ, въ очень мягкой формѣ, самому Головкину за допущенный имъ промахъ, упрекъ, который, очевидно, долженъ былъ остаться между обоими корреспондентами. (Съ этимъ сопостав. соотвѣт. мѣсто ниже въ письмѣ VIII). Говорится здѣсь и о голштинскомъ дѣлѣ, не затронутомъ въ письмѣ 28 окт., что въ данный моментъ, въ виду новаго курса, принятаго въ этомъ вопросѣ нашемъ правительствомъ, являлось также довольно деликатнымъ вопросомъ. Во всѣхъ послѣдующихъ письмахъ этотъ вопросъ также обсуждается въ очень осторожной формѣ. Можно добавить еще и то, что передъ вторымъ абзацомъ настоящей цидулы зачеркнуты слова: „что касается до мекленбургскаго дѣла, то я“. Дальше о мекленбургскомъ дѣлѣ не говорится ничего; вопросъ о немъ затронутъ точно также въ письмѣ отъ 28 октября. Начальная фраза „цидулы“ позволяетъ предполагать, что въ печатаемыхъ отпускахъ мы имѣемъ не всѣ письма Остермана къ гр. А. Г. Головкину на Суассонскій конгрессъ. Упоминаемые здѣсь „планъ и намѣреніе здѣшнее во всѣхъ дѣлахъ“ не находятся въ предыдущихъ письмахъ. Можно предположить, что по содержанію это было нѣчто близкое къ планамъ, изложеннымъ въ приложеніи къ письму къ Куракину отъ 1 августа 1727 г. Весьма вѣроятно, что послѣ смерти Куракина Остерманъ счелъ нужнымъ освѣдомить объ этомъ планѣ Головкина, который оставался теперь единственнымъ представителемъ Россіи на конгрессѣ.

[21]) Гедда, П. Н. до своего назначенія на конгресъ шведскій посланникъ во Франціи, получавшій пенсіонъ отъ англійскаго правительства и старавшійся о сближеніи Швеціи съ Англіей (о немъ—Malmström, Sveriges politiska historia I, 454 и II, 270).

[22]) Спарре, Карлъ-Густавъ (1688—1741), до своего назначенія на конгрессъ шведскій посланникъ въ Англіи (съ 1719 г.), оказавшій незадолго до этого большія услуги Горну (см. прим. 7), въ дѣлѣ присоединенія Швеціи къ ганноверскому союзу (о немъ—также Malmström op. cit. I, 222 и II, 17).

Весьма желательно было, ежели бъ могли сіе затрудненіе напередъ предусмотрѣть, ибо тогда легче либо было, пристойные способы изыскать и согласиться, нежели нынѣ, когда дѣло въ движеніе пришло; но предбудущее токмо единъ Богъ вѣдаетъ.

VII.

Къ гр. А. Г. Головкину. 30 декабря 1728 г.

Что до мекленбургскаго дѣла принадлежитъ, то сами довольно предусматриваемъ, что безъ париціи въ пользу герцоговую нечего дѣлать, а къ париціи никакимъ образомъ его склонить невозможно, сколько мы въ томъ ни трудимся. Правда, что жестоко съ нимъ поступлено, а особливо, что учрежденная комиссія явно парціальна, ибо по Берендсдорфѣ [23]) ганноверцы сами истцы, сами же и судьи, еже отчасти тяжело.

Ежели бъ дѣло къ тому могло проведено быть, чтобъ другая импарціальная комиссія могла учреждена быть съ отставленіемъ и уничтоженіемъ ганноверской, то чрезъ то и герцогу и шляхетству могло вспоможено быть. Но сіе, однако, чаятельно исходательствовать не безъ трудности будетъ, ежели шляхетство самое къ тому не вспоможетъ и о томъ просить не станетъ. Въ чемъ господинъ графъ Бассовичъ могъ бы полезныя услуги къ собственному своему отечеству показать, ежели бъ онъ кредитомъ своимъ шляхетство къ тому склонилъ [24]). И видится, что нынѣшніе ганноверскіе поступки, и что несмотря на цесарскую администрацію изъ Мекленбургіи выйти не хотятъ [25]), довольно шляхетству показываютъ, что оное отъ нихъ ожи-

---

[23]) Бернсдорфъ, Андрей-Готлибъ графъ (1649—1726), ганноверскій министръ англійскаго короля Георга I, горячій сторонникъ идеи могущества Ганновера (о его взглядахъ—см. Ranke, Englische Geschichte VII, 104 и Erdmannsdörfer, Deutsshe Geschichte 1648—1740, II, 339) съ крайнею непріязнею относившійся къ усиленію Россіи, повсюду являвшійся противникомъ русской дипломатіи. Такимъ выступалъ онъ и въ мекленбургскомъ вопросѣ. Комиссія, о которой идетъ здѣсь рѣчь, была учреждена въ 1719 г. для разбора споровъ между герцогомъ мекленбургскимъ и его вассалами. Въ ея составъ вошли курфюрстъ ганноверскій и герцогъ вольфенбютельскій. Вскорѣ за этимъ тѣмъ же лицамъ была поручена военная экзекуція въ Мекленбургѣ за нарушеніе герцогомъ имперской конституціи Въ маѣ же 1728 г. герцогъ былъ отстраненъ отъ власти, и имперская администрація въ Мекленбургѣ была поручена его брату, Христіану-Людвигу. Экзекуціонная ганноверская комиссія не покинула, однако, послѣ этого Мекленбурга. (Рескр. Ланчинскому 6 іюня и 28 дек. 1728 г. и его реляція 11 мая т. г.—Дѣла австрійскія 1728 г., № 3 и № 56). Бернсдорфъ, какъ министръ курфюрста ганноверскаго, долженъ былъ принимать близкое участіе во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Мекленбуржецъ по происхожденію, самъ онъ, съ другой стороны, былъ вассаломъ герцога мекленбургскаго и являлся такимъ образомъ одною изъ заинтересованныхъ сторонъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ принималъ участіе и какъ судья. Это и дало, очевидно, Остерману основаніе и теперь, послѣ смерти Бернсдорфа, охарактеризовать эту комиссію, какъ „парціальную“, въ которой „ганноверцы сами истцы сами же и судьи“.

[24]) См. выше прим. 18-е.

[25]) См. выше прим. 23-е.

дать имѣетъ. И ежели бъ паче чаянія по причину того и по тѣмъ ганноверскимъ побужденіямъ къ какой дальности дѣло дошло, то шляхетство первое больше всѣхъ въ томъ потеринтъ и до конца раззорится, чему и оное предъ Богомъ и предъ всѣмъ свѣтомъ виновато и отвѣтъ дать должно будетъ.

Я прошу господину гр. Бассовичу мой поклонъ передать и при случаѣ сіе ему внушить, и понеже прямого и безпосредственнаго примиренія между герцогомъ и шляхетству по твердому нраву перваго ожидать не возможно, того ради вышеписанный способъ о новой и импарціальной комиссіи по моему малоумному мнѣнію обѣимъ сторонамъ наиполезнѣйшій былъ бы.

Что надлежитъ до бывшихъ трудностей въ размѣнѣ полныхъ мочей, то я Вашему Сіятельству за конфиденцію доношу, что писано сюда не отъ цесарскаго, ниже гишпанскаго министерства, но отъ другой особы къ нѣкоторой здѣсь пребывающей персонѣ, у которой я оригинальное письмо видѣлъ, какимъ образомъ Ваше Сіятельство будто шведскому министру Геддѣ показали свои полномочіи и особливо тую, которую имѣете для цесарскаго двора безъ титула императорскаго, и что оной Геддъ потомъ немедленно былъ у французскихъ министровъ и онымъ сію разность въ вашихъ полныхъ мочахъ толковалъ и французское министерство ко учиненнымъ тѣмъ затрудненіямъ привелъ. Цесарскій министръ о семъ ко мнѣ не отзывался, однако жъ я имѣю причину вѣрить, что и онъ помянутое письмо челъ; но когда уже сіе дѣло другимъ порядкомъ ко окончанію приходитъ, то надобно оставить и о вышеписанномъ; только по вѣрной моей преданности Вашему Сіятельству для собственнаго Вашего извѣстія доношу.

А что касается до дѣла происхожденія дѣлъ на конгрессѣ, то однимъ словомъ сказать, что проектованный тамо провизіональный трактатъ [26]) ни намъ, ни самому Цесарю пользы быть не можетъ.

---

[26]) Трактатъ этотъ сводился къ слѣд. пунктамъ: 1. Устанавливается согласіе и дружба между договаривающимися державами. 2. Подтверждаются во всемъ, въ чемъ они не противорѣчатъ настоящему трактату, договоры: Утрехтскій, Баденскій и Раштадтскій 1714 г. и всѣ послѣдующіе до 1721 г., а также прелиминарные пункты, на основаніи которыхъ собрался настоящій конгрессъ. 3. Ограниченіе правъ Остендской компаніи (нѣсколько редакцій). 4. Герцогъ голштинскій долженъ получить эквивалентъ за Шлезвигъ. Для этого черезъ три мѣсяца отъ всѣхъ заинтересованныхъ державъ соберутся коммиссары въ Гамбургѣ. Если не удастся склонить къ тому рѣшенію, которое будетъ тамъ принято, Данію, то.... (о дальнѣйшемъ предполагается теперь же согласиться съ русскимъ и голштинскимъ министрами). 5. Король испанскій отказываетси отъ своего обязательства, на основаніи Вѣнскаго трактата, давать какія-либо торговыя привилегіи австрійскимъ подданнымъ. 6. Будетъ выработанъ новый таможенный тарифъ между австрійскими Нидерландами, Англіей и Голландіей. 31 янв. 1729 г. Ланчинскій имѣлъ въ Вѣнѣ конференцію съ Синцендорфомъ, на которой указывалъ, что этотъ трактатъ не даетъ ничего ни Цесарю, ни его союзникамъ: Цесарь не получаетъ ничего за свой отказъ отъ остендской кампаніи; шлезвигскій вопросъ не получаетъ окончательнаго разрѣшенія. Синцендорфъ, соглашаясь съ этимъ и оговариваясь, что 4 п. ссставленъ со-

Нашъ интересъ есть, чтобы добрымъ способомъ отъ нынѣшнихъ нашихъ тягостныхъ обязанностей своихъ честнымъ способомъ освободиться. И потомъ поступать по конъюнктурамъ и по натуральнымъ нашимъ интересамъ. Сіе провизіональнымъ трактатомъ получить не можемъ, понеже онымъ останемся при прежнихъ своихъ обязательствахъ, и ганноверскій союзъ, который противъ Цесаря, а больше противъ насъ прямо учиненъ, въ своей силѣ. Руки у насъ связаны остаются въ потребныхъ иногда съ другими примиреніяхъ; дѣла наши въ такомъ состояніи, что мы ежеднево разрыву съ Портою Оттоманскою ожидать имѣемъ; Франція и Англія противъ Порты намъ вспомогать не станутъ, и однимъ Цесаремъ Порта еще не удерживается. И для того противъ Цесаря съ другими соединиться намъ невозможно, а пока ганноверскій союзъ въ своей силѣ будетъ, то въ какое обязательство мы съ другими входить можемъ, воистину не вижу. Политичную дружбу со всѣми ищемъ и искать надобно, но чтобъ и другія не задирали, надобно себя въ состояніи имѣть и кредитъ свой содержать.

Ваше Сіятельство изволите изъ краткаго сего разсужденія усмотрѣть, что по нашему малоумному мнѣнію интересъ нашъ требуетъ, чтобъ ганноверскимъ примиреніемъ нынѣшнія дѣла окончились, ганноверскій союзъ нарушенъ былъ и мы бъ свободныя руки получить могли. И въ такомъ намѣреніи трудимся при цесарскомъ дворѣ, и мнѣніе наше есть такое, что когда и безъ того Цесарь уступаетъ, то лучше нѣчто формально заключить и извѣстное пословицо употребить: дивиде етъ импера.

Вашему Сіятельству о семъ доношу по моей къ вамъ преданности; вѣдаю, что сіе между нами останется.

О Голштинскомъ дѣлѣ не имѣю, что доносить, окромѣ, что також де въ проэктованномъ отъ графа Бассевича аткикулѣ [27]) ни герцогу, ни себѣ никакой пользы не усмотрѣли. Хорошо, ежели къ дачѣ какихъ субсидій Франція и Англія могли склонны быть; но пока къ тому не склонятся, что однако жъ и то хорошо, что модерабельными графа Бассовича поступками при добрыхъ сентиментахъ содержимы будутъ. При семъ имѣю еще Вашему Сіятельству въ конфиденціи донести, что бывшіе господина графа Бассовича съ Вами разговоры о Станиславѣ уже въ Польшѣ и при другихъ дворахъ великій омбражъ причинили, и больше къ Вамъ приписуются, и жа-

---

вмѣстно съ Головкинымъ и Бассевицемъ, указывалъ, что трактатъ не рѣшаетъ еще ничего окончательно, и что, пожалуй, и лучше, если конгрессъ окончится только провизіональнымъ соглашеніемъ (Дѣла австрійскія 1729 г., № 8. Также Госуд. Архивъ въ Вѣнѣ. Exped. n. Russland 1729).

[27]) 4-й п. проекта провизіональнаго трактата (см. выше примѣч. 26-е). Этотъ пунктъ былъ выработанъ въ Вѣнѣ въ маѣ 1728 г. на конференціи, въ которой принимали участіе Ланчинскій и Бассевичъ (Вѣна, Госуд. Архивъ, Exped. nach Russland 1728). 17 іюля т г. въ Суассонѣ была по поводу всего провизіональнаго трактата конференція Синцендорфа, Головкина и Бассевица (при реляц. Головкина 18 іюля 1728—Дѣла франц. 1728, № 11).

лобы уже были. Въ семъ дѣлѣ, мнится, надобно такъ поступать, какъ инструкція гласитъ, и такое разглашеніе, знатно отъ нѣкоторой неосторожности графа Бассовича происшедшее, общимъ интересамъ кромѣ вреда чинить не можетъ. [28]).

(Помѣта въ началѣ: «Къ гр. Ал. Гавр. Головкину отъ Его Прев. Барона Андрея Ивановича Остермана». Въ концѣ: «отправлено на почтѣ 30 декабря 1728 году»).

VIII.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 3 марта 1729 г.

Къ Вашему Сіятельству посылаю при семъ отвѣтное мое къ г-ну графу Бассовичу и съ онаго копію, такожде копію съ его ко мнѣ писаннаго и присланнаго резонемента на россійскомъ языкѣ для партикулярнаго Вашего извѣстія, хотя не сумлѣваюсь, чтобы отъ него г-на графа Бассовича Вашему Сіятельству обо всемъ сообщено было.

Изъ моего отвѣта изволите усмотрѣть, что на извѣстный резонементъ въ генеральныхъ терминахъ отвѣтствовано, якоже и инако невозможно, ибо по моему мнѣнію только сіе одно надлежитъ съ прилежаніемъ смотрѣть, чтобы мы въ тѣхъ проэктахъ явно не показались, какъ вашему Сіятельству въ прежнихъ рескриптахъ и въ инструкціяхъ и въ партикулярныхъ моихъ обстоятельно показано.

О дѣлахъ конгресса Суессонскаго стану въ вашему Сіятельству партикулярно писать на будущей почтѣ, ибо нынѣ не успѣю.

О сообщеніи полномочной шведкому министру барону Геду по особливой моей къ Вашему Сіятельству имѣющей преданности доносилъ я обстоятельно, и надѣюсь, что то въ противность не принято. А здѣсь о томъ никто, сколько мнѣ извѣстно, не вѣдаетъ.

Горячесть извѣстныхъ людей къ Станиславу кажется весьма безвремянная и всѣ происхожденія тамо у Васъ на конгрессѣ и по-

[28]) Въ сентябрѣ 1728 г. въ виду болѣзни Августа Саксонскаго снова заговорили о польскомъ престолѣ, и кард. Флери въ разговорахъ со шведскими уполномоченными на конгресѣ выдвигалъ кандидатуру Станислава Лещинскаго и выражалъ желаніе согласиться объ этомъ со Швеціей. Шведское правительство отнеслось къ этому сочувственно (Рескр. Н. Головину 31 окт. и 23 дек. 1728 г.—Дѣла шведскія 1728, № 2). Бассевицъ, повидимому, сейчасъ же ухватился за это для какихъ-то своихъ плановъ, сталъ тоже заводить рѣчь о Станиславѣ и даже собрался ѣхать къ нему въ Шамборъ. (Реляц. Головкина 9 сент. и 16 дек. 1728 г.—Дѣла австр. 1728 г., № 12). Головкинъ, по его собственнымъ заявленіямъ, относился къ этому несочувственно и всячески сдерживалъ Бассевица; однако Синцендорфъ, присутствовавшій, повидимому, при этихъ разговорахъ и высказывавшійся, съ своей стороны, за саксонскаго курпринца, сообщилъ объ этомъ въ Вѣну въ нѣсколько иной окраскѣ: въ рескриптѣ по этому поводу къ Вратиславу прямо уже говорилось о томъ, что Головкинъ склонялся къ кандидатурѣ Станислава. Вратиславъ имѣлъ объ этомъ разговоръ съ Остерманомъ, который успокоилъ его, заявивъ что Головкину будетъ дана соотвѣтствующая инструкція. (Реляц. Вратислава 30 дек. 1728 г.—Госуд. Арх. въ Вѣнѣ. Russland Relat. 1728).

ступки другихъ министровъ, примѣняя къ тѣмъ вѣдомостямъ, которыя здѣсь изъ нихъ государствъ получаемъ, великаго разсужденія достойны.

Письмо графа Бассовича въ Мекленбургскомъ дѣлѣ назадъ посылаю, съ достойнымъ благодареніемъ. Во ономъ ничего утѣшительнаго не нашелъ; хорошо во всякомъ дѣлѣ умѣренность, еже прошу при покорномъ моемъ поклонѣ господину графу Бассовичу объявить.

(Помѣта въ началѣ: «Отъ Его Пр-а къ графу А. Г. Головкину цидула». Въ концѣ: «Изъ Москвы. Марта 3 дня 1729 году; отправлена того же дня на почтѣ при особливомъ письмѣ отъ Его Прев. со всѣми упоминающимися приложеніями»).

IX.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 27 марта 1729 г.

Вашего Сіятельства милостивое писаніе отъ 24 февраля я исправно получилъ и за оное и особливо за увѣдомленіе объ имѣющихъ съ дацкимъ посломъ Сегестедомъ [29]) разговорахъ всепокорно благодарствую. И для извѣстія Вашему Сіятельству въ отвѣтъ доношу, что съ посланникомъ Вестфаленомъ [30]) и никакой конференціи не имѣлъ, но частныя генеральныя внушенія ему отъ меня учинены въ такой силѣ, какъ Вашему Сіятельству извѣстно, и Вамъ тамо дацкому министру учинить повелѣно. Но всѣ тѣ мои внушенія до сего времени безплодны были, и оной дворъ ничѣмъ не отзывается, знатно опасаясь, что ежели бъ оный въ какую негоціацію отдался, чтобъ тѣмъ съ другой стороны не потерять. Однако жъ несмотря на то, какъ Ваше Сіятельство съ своей, такъ и мы съ нашей стороны здѣсь сей дворъ при доброй диспозиціи содержать стараться будемъ. Дай Боже шлезвигскому дѣлу скорое и доброе окончаніе, ибо дружба и союзъ дацкой намъ вредить не можетъ. О прочихъ дѣлахъ ссылаюсь на посылаемый рескриптъ и вручивъ себя въ неотмѣнную вашу милость пребываю съ должнѣйшимъ почтеніемъ.

(Помѣта въ началѣ: «отъ Его Прев. къ графу Александру Га-

[29]) Сегестедъ, Христіанъ (1666—1749), выдающійся датскій государственный дѣятель и дипломатъ, статсъ-секретарь „нѣмецкой канцеляріи“ (датское министерство иностранныхъ дѣлъ) до 1721 г., датскій уполномоченный на Суассонскомъ конгрессѣ. Сегестедъ былъ сторонникъ сближенія Даніи съ Россіей, и Головкину рекомендовалось съ нимъ „искать дружеское обхожденіе имѣть понеже онъ по прежнимъ его въ совѣтѣ короля имѣющимъ сентиментамъ всегда къ содержанію тѣсной дружбы съ нами склоненъ былъ“. (Рескр. А. Головкину 19 янв. 1729 г.—Дѣла франц. 1728 г., № 3).

[30]) Весфаленъ, Іоганнъ-Георгъ, датскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ съ 1715 по 1734 г.

вриловичу Головкину» Въ концѣ: «Изъ Москвы. Марта 27 дня 1729 году»).

X.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 8 мая 1729 г.

Вашего Сіятельства милостивое писаніе изъ Парижа отъ 6 минувшаго апрѣля я здѣсь исправно получилъ, за которое тако жъ и за учиненное мнѣ во ономъ съ днемъ Свѣтлыя Пасхи поздравленіе всепокорнѣйше Вашему Сіятельству благодарствую, потомъ же Ваше Сіятельство купно со всею сіятельнѣйшею фамиліею взаимно поздравляю, желаю всякаго самопожелаемаго благополучія и приращенія. Изъ онаго Вашего Сіятельства письма усмотрѣлъ я *нѣкоторый пасажъ*, который въ приложеніи моемъ отъ 3 марта между другимъ написанъ «показались», и понеже вмѣсто того, что «показались» разумѣется «не показались», того ради для лутчаго извѣстія изъ вышеупомянутаго моего приложенія посылаю при семъ къ Вашему Сіятельству экстрактъ [31]).

Впрочемъ, что надлежитъ до конгрессскихъ дѣлъ, то я потомъ имѣю честь къ Вашему Сіятельству обстоятельнѣе поступать. А нынѣ Вашему Сіятельству доношу, что по приходящимъ вашимъ и отъ другихъ мѣстъ о томъ конгрессѣ извѣстіямъ невозможно себѣ прямой идеи о ономъ учинить, и по поступкамъ гишпанскаго двора не безъ сумнѣнія есть, что сіи дѣла едва ли не тѣмъ окончатся, хотя чрезъ войну или примиреніемъ, что Гишпанія съ Франціею въ прежнее согласіе придетъ, оставя прочихъ всѣхъ. А наши бъ интересы весьма требовали, чтобъ нынѣ до войны не дошло, и ежели формально примиреніе быть не можетъ, то бъ для извѣстныхъ Вамъ турецкихъ движеній, хотя бъ уже провизіонально, дабы намъ и Цесарю свободныя руки остались турецкимъ иногда предвосприятіямъ надлежаще супротивиться съ другой стороны.

Господину барону Фонсеку [32]) я въ дѣлѣ его по возможности служить готовъ, о чемъ при должномъ поклонѣ ему объявить прошу.

О переводѣ къ Вашему Сіятельству опредѣленныхъ на тамошнее содержаніе денегъ имѣю стараніе и надѣюсь, что еще сверхъ послѣдняго переводу еще нѣкоторая знатная сумма отправлена будетъ, яко же я никогда никакой случай не пропущу въ самомъ дѣлѣ показать, что вѣрный есть.

P. S. Изъ Царя-Града имѣемъ вѣдомость, что между Портою и Французскимъ дворомъ происходитъ нѣкоторая холодность по причинѣ триполитанскихъ дѣлъ и особливо, что нѣкоторые французскіе корабли взяли на одномъ цесарскомъ и на одномъ англійскомъ кораблѣ нѣкоторое число турковъ и араповъ, которые отъ Триполи на тѣхъ яко на нейтральныхъ корабляхъ и съ позволенія цесарскаго и аглинскаго консуловъ въ Царьградъ ѣхали [33]).

(Помѣта въ началѣ: «отъ господина вицеканцлера къ графу Александру Гавриловичу Головкину». Въ концѣ: «Изъ Москвы Мая 8 дня 1729 г. Отправлено того же числа на почтѣ»).

[31]) До этихъ словъ отпускъ писанъ секретаремъ; дальше — собственноручно Остерманомъ.

[32]) Фонсека, бар., австрійскій уполномоченный на Суассонскомъ конгрессѣ, замѣнявшій тамъ въ это время, вмѣстѣ съ гр. Кинскимъ, Синцендорфа.

XI.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 2 іюня 1729 г.

Вашего Сіятельства милостивыя писанія отъ 2-го и 5-го мая получилъ исправно.

На содержаніе перваго иного донесть не могу, кромѣ что дай всемогущій Богъ одиножды и онымъ дѣламъ какое честное окончаніе.

Изъ другого усмотрѣлъ, что ваше Сіятельство имѣете нѣкоторое сомнѣніе, чтобъ кардиналу [34]) говорить объ опроверженіи при Портѣ извѣстныхъ предложеній. На что Вашему Сіятельству всепокорно доношу, что указъ о томъ къ Вамъ отправленъ по поводу учиненныхъ Вашему Сіятельству отъ кардинала изъясненій, и когда о нынѣшнихъ турецкихъ движеніяхъ еще ни малого извѣстія у насъ не было. И мню я, что хотя дворъ указъ даетъ министрамъ своимъ при чужестранныхъ дворахъ по своему интересу и имѣющимъ извѣстіямъ, но тому министру, къ которому оные отправляются надлежитъ смотрѣть, когда и какъ, и полезно ли оные въ дѣйство привесть, ибо онъ на мѣстѣ, и тако лучше въ состояніи обрѣтается разсуждать, что съ тамошнимъ состояніемъ сходно, и что несходно. И сверхъ того легко случиться можетъ, что сегодня указъ посылается хорошій, который завтра по случаямъ или отмѣнившимся конъюнктурамъ съ интересами уже не сходенъ быть можетъ. Яко жъ и я самъ того мнѣнія, что по нынѣшнимъ двора турецкаго движеніямъ у кардинала ни по что уже о такомъ указѣ къ министру ихъ въ Царьградъ домогаться.

Мы впрочемъ весьма желательны вѣдать, какимъ образомъ дѣла на конгрессѣ откроются.

[33]) Въ 1728 г. Франціей была предпринята морская экспедиція противъ Туниса и Триполи, чтобъ потребовать удовлетворенія за грабежи варварійскихъ пиратовъ. Тунисъ пошелъ на уступки; Триполи упорствовалъ и былъ подвергнутъ бомбандировки. Въ 1729 г. противъ Триполи была предпринята новая экспедиція. Эти дѣйствія возбуждали неудовольствіе Порта и французскому послу въ Константинополѣ Вильневу (см. ниже, прим. 41) стоило не малаго труда улаживать это дѣло.

[34]) Флёри, Андре-Еркюль, кардиналъ, епископъ фрежюсскій (1653—1743), духовникъ Людовика XIV, воспитатель Людовика XV и первый министръ послѣ падеія герцога Бурбонскаго (11 іюня 1721 г.).

Деньги къ переводу Вашему Сія-у давно готовы, но незнаю, какъ при нынѣшнемъ низкомъ курсѣ оныя перевесть, понеже Вашему Сія-у онъ того убутку будетъ.

(Помѣта въ началѣ: «отъ Его Прев. барона Андрея Ивановича Остермана къ графу Александру Гавриловичу Головкину». Въ концѣ: «Изъ Москвы 2 іюня 1729 году. Отправлено того же числа на почтѣ»).

XII.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 16 іюня 1829 г.

Вашему Сія-ву всепокорно благодарствую за милостивое Ваше писаніе отъ 18 мая.

На которое иного отвѣтствовать не могу, окромѣ, что весьма бъ желательно было, чтобъ конгресскія дѣла одиножды къ полюбовному окончанію приведены быть могли. А по учиненнымъ отъ цесарскаго двору намъ сообщеніямъ кажется, что Цесарь въ своихъ собственныхъ интересахъ со всякимъ снисхожденіемъ поступать намѣренъ и конгрессъ за оными разорвать не допуститъ; а насупротивъ того, по приходящимъ постороннимъ вѣдомостямъ имѣется сомнѣніе въ гишпанскомъ дворѣ, о чемъ уже и въ прежнихъ рескриптахъ вашему Сія-ву сообщено.

Ваше Сіятельство всепокорно прошу у господина барона Фонъ-Секена при объявленіи моего поклона меня извинить, что я на его склонное писаніе еще самъ должнымъ моимъ отвѣтомъ не служилъ. Сіе не о чемъ иномъ, окромѣ что писалъ въ дѣлѣ мнѣ отъ него порученной комиссіи въ Ревель и отвѣта ожидаю, дабы возможно было обстоятельно тогда обо всемъ къ нему отписаться.

(Помѣта въ началѣ: «отъ Его Прев. къ графу Александру Гавриловичу Головкину». Въ концѣ: «Изъ Москвы. Іюля 16 дня 1729 г. на почтѣ»).

XIII.

Къ гр. А. Г. Головкину. Москва; 27 октября 1729 г.

За нѣкоторымъ, однако жъ непродолжительнымъ моимъ отсутствіемъ въ деревняхъ для пользованія моего здравія не былъ я въ состояніи Вашему Сіятельству всепокорно благодарить за милостивые ваши ко мнѣ писанія отъ [35]) и 21 сентября.

[35]) Пропускъ даты въ подлинникѣ.

О послѣднихъ пропозиціяхъ цесарскаго двора [36]) также отъ гр. Вратислава намъ обстоятельно здѣсь сообщено, и я во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ съ Вашимъ Сіятельствомъ одного мнѣнія, и съ нашей стороны съ самаго началу сего конгрессу ничего не пропущено, чтобъ цесарскій дворъ къ тому привести, дабы онъ не ожидая Гиспанской резолюціи въ своихъ партикулярныхъ интересахъ искалъ съ Ганноверскими союзниками соглашенія; и уже давно о томъ двору пристойно внушено, что Франція по старымъ своимъ максимамъ едва ли допуститъ, чтобъ Цесарю пожеланная гварантія дана была, но время все сіе открыть имѣетъ.

При семъ только имѣю Вашему Сіятельству партикулярно и въ сущей конфиденціи донести, что по возвращеніи моемъ изъ деревни былъ у меня пребывающій здѣсь испанскій министръ и прочелъ мнѣ письмо отъ ихъ министра на конгрессѣ Сакта-Круца писанное, въ которомъ изображено, что будто съ цесарской стороны отъ ганноверскихъ союзниковъ только нынѣ требуется вышеупомянутая гварантія, а въ прочихъ интересахъ союзниковъ ихъ даютъ ганноверскимъ союзникамъ карту бланшу.

И понеже мы какъ по реляціямъ Вашего Сіятельства, такъ и по сообщенію отъ графа Вратислава, здѣсь намъ учиненному, о неосновательныхъ такихъ предложеніяхъ довольно обнадежены; того ради и я инако разсудить не могу, окромѣ что или отъ стороны ганноверскихъ союзниковъ такія внушенія гишпанскимъ министрамъ чинятся, или и гишпанскіе министры нарочно для причиненія какого недовѣрія такія внушенія чинить велѣли.

Ваше Сіятельство можете смотря по тамошнему состоянію сіе въ наставленіе своихъ поступковъ употребить и, ежели за благо разсудите, и цесарскимъ министрамъ о томъ сообщить, дабы они или съ вящею откровенностію, или съ вящею осторожностью въ поступкахъ своихъ къ гиспанскимъ министрамъ поступали, смотря по тамошнему состоянію дѣла.

Турки еще не спокойны и стараются нынѣ ешрефа [37]) и прочихъ народовъ на насъ подымать и безпрестанныя новыя жалобы на насъ

[36]) Сущность этихъ предложеній, какъ можно предполагать изъ дальнѣйшаго, сводилась къ необходимости сближенія Австріи и Россіи съ ганноверскими союзниками и прежде всего съ Англіей, параллельно съ тѣмъ какъ подготовлялся севильскій договоръ, въ чемъ видѣли прежде всего сближеніе Испаніи съ Франціей. Въ Вѣнѣ, повидимому, относились довольно спокойно къ извѣстіямъ о сближеніи мадридскаго двора съ ганноверскими союзниками, разсчитывая на то, что это сближеніе въ данной формѣ врядъ ли будетъ въ интересахъ Англіи, и что въ будущемъ оно должно повести къ новой комбинапіи, къ союзу Англіи, Испаніи и Австріи (реляц. Ланчинскаго 8 окт. 1729.—Дѣла австр. 29, № 6), что, какъ извѣстно, и оправдалось въ 1731 году.

[37]) Ешрефъ, афганскій ханъ, захватившій въ 1725 г. Испагань. Дѣйствія въ Персіи Ешрефа и его борьба съ шахомъ Тахмасибомъ очень осложняли въ данное время взаимныя отношенія Россіи, Турціи и Персіи.

затѣваютъ [38]); однако жъ по возвращенію въ Царьградъ бывшаго здѣсь турецкаго министра [39]), чаятельно, откроется, куда подлинное ихъ намѣреніе клонится. И по послѣднимъ вѣдомостямъ оттуда визирь [40]) незапно французскаго посла [41]) призывалъ и долгую конференцію съ нимъ имѣлъ, а что во оной происходило, о томъ такъ секретно содержится, что еще провѣдать не могли.

Отъ г. барона Фонсека буду ожидать, что онъ въ дѣлѣ своемъ мнѣ вяще чинить велитъ.

(Помѣта въ началѣ: «Отъ Его Прев. къ графу Александру Гавриловичу Головкину». Въ концѣ: «Изъ Москвы 27 октября 1729 году, отправлена на почтѣ»).

---

38) О русско-турецкихъ отношеніяхъ за это время.—Соловьевъ, Исторія Россіи (кн. IV) т. XIX, гл. 1 и 2.

39) Рѣчь идетъ, очевидно, о турецкомъ агѣ, бывшемъ въ 1727 г. въ Россіи.

40) Ибрагимъ, великій визирь при султанѣ Ахметѣ III съ 1714 по 1730 г., казненный при низложеніи Ахмета. Европейски образованный, старавшійся о культурномъ сближеніи Турціи съ Европой, онъ былъ плохимъ политикомъ и заслужилъ упрекъ въ упадкѣ турецкаго могущества (см. Alb. Vandal, Une ambassade française en'Orient sous Louis XV (1728—1741). P. 1887.

41) Де-Вильнёвъ Луи Соверъ, маркизъ (1675 — 1745). Съ 1728 по1741 г. — французскій посолъ въ Турціи. О его дѣятельности въ Константинополѣ, имѣвшей большое значеніе для русской политики.— Alb. Vandal (op. cit.) и Кочубинскій, Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи (1735—1739). Одесса, 1899.